

Карл Маркс и Интернационал

Перевод с французского с дополнительным очерком Н. К. Лебедева.

Джеймс Гильом

1920

Оглавление

Карл Маркс и Интернационал	3
Предисловие.	4
I. Подготовительные работы по организации Интернационала (1862-1864 г.). – Митинг 28 сентября 1864 года. – Устав Интернационала.	7
II. Учреждение парижской секции Интернационала (январь 1865 г.). – Конференция в Лондоне (сентябрь 1865 г.). – Первый общий конгресс Интернационала в Женеве (сентябрь 1866 г.).	13
III. Избрание Исполнительного Комитета Парижской секции. – Второй конгресс Интернационала в Лозанне. – Конгресс Лиги Мира и Свободы в Женеве (сентябрь 1867 г.).	20
IV. Преследование парижской секции Интернационала. – Треть конгресс Интернационала в Брюсселе (1868 г.). – Второй конгресс Лиги Мира и Свободы.	26
V. Развитие Интернационала в 1869 г. – Четвёртый конгресс Интернационала в Базеле (1869г.).	32
VI. Последний год второй Империи. – Парижская Федерация Интернационала. – Третий процесс Интернационала в Париже (май-июль 1870 г.). – Начало войны 1870 г. – Маркс и Энгельс. – Бакунин и Варлен.	36
Карл Маркс и Интернационал в период 1871-72 г.г. Очерк Н. Лебедева.	52

Карл Маркс и Интернационал

Предисловие.

Настоящая брошюра была написана ещё *до войны* (в июне-июле 1914 года). Она должна была служить «*Историческим введением*» к собранию судебных отчётов о трёх знаменитых процессах парижских секций Интернационала (первый процесс – март-апрель 1868 года, второй – май-июнь 1868 года и третий – июнь-июль 1870 года). Эти отчёты я намеревался было переиздать, так как они имеют большой исторический интерес, как важные документы по истории Интернационала и рабочего движения во Франции, но теперь они являются библиографической редкостью.

Моё намерение было приурочить их выпуск в свет ко дню пятидесятилетия со дня основания Интернационала (28-го сентября 1914 года). Но, к сожалению, осуществить этот проект не удалось вследствие разразившихся летом 1914 года печальных событий. Переиздание отчётов я вынужден был отложить до более благоприятного времени. В ожидании этого момента, я решил издать отдельной брошюрой предполагаемое «историческое введение» к этим отчётам, так как я думаю, что обществу и современным деятелям рабочего движения будет не бесполезно познакомиться с теми фактами, о которых говорится в настоящей брошюре. Хотя со времени этих фактов прошло уже пятьдесят лет, но, в наши дни они, неожиданно, приобрели вновь свою злободневность и помогут осветить читателю многие вопросы современности. Из всего сказанного в настоящей брошюре вытекают с полной очевидностью два следующих заключения:

1) Совершенно неверно распространенное в широкой публике убеждение, что Интернационал был созданием Карла Маркса. В действительности, Маркс не принимал никакого участия во всех подготовительных работах по организации Интернационала, происходивших в 1862-1864 годах. Маркс примкнул к Интернационалу в тот момент, когда Интернационал уже окончательно сформировался благодаря усилиями и стараниям английских и французских рабочих. Маркс, как кукушка, постарался положить своё яйцо в чужое уже готовое гнездо. Его намерение, с первого же дня его вступления в Интернационал, заключалось в том, чтобы превратить великую пролетарскую организацию в орудие своих личных целей. Не найдя в представителях французского Интернационала послушных и верных исполнителей своих желаний, Маркс не переставал, начиная с 1865 года и до 1870 года показывать свою неприязнь по отношению к французским рабочим, преследуя их своим презрением и насмешками.

В 1866 году Маркс злобно издевался над делегатами парижских рабочих, говоря, что они принадлежат к «старым отбросам». В 1867 году он хлопочет о том, чтобы нанести французским делегатам на Брюссельском конгрессе Интернационала «смертельный удар». В 1868 году он одобряет французский имперский суд за то, что он «посадил под замок» членов Парижской секции Интернационала». В 1870 году, при известии о провозглашении во Франции республики, Маркс, получив от парижских интернационалистов воззвание к немецкому народу о прекращении войны, называет парижан «дураками». Со своей стороны Энгельс прибавляет, что Маркс писал ему ещё 20 июля, что французы «нуждаются в побоях».

2) Со времени своего основания (при содействии Маркса и Энгельса) немецкая социал-демократическая партия было по существу своему партией *империалистической*, то есть стремившейся к созданию единой «великой централизованной Германии» и видевшей в Бисмарке национального гения, которому следовало беспре-

кословно подчиняться. В 1870 году Маркс и Энгельс были прежде всего немецкими патриотами, они восторженно приветствовали победы немецкой армии, потому что, как выражались они, «эти победы должны дать перевес немецкому пролетариату над французским» и «перенести центр тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию».

Находясь тогда во главе Интернационала, Маркс и Энгельс злоупотребили своим положением и от имени Главного Совета Интернационала стремились *отговорить* французский пролетариат от борьбы против своих врагов, захвативших почти половину Франции. «Необходимо, писал Энгельс Марксу 12-го сентября 1870 года, если можно, как-нибудь повлиять в Париже, чтобы рабочие не выступали и вели бы себя смирно, пока не заключён мир». Отношение Маркса и Энгельса в этот момент являлось настоящим *предательством* Интернационала в пользу пангерманских интересов.

Это необходимо знать всем республиканцам, социалистам и несоциалистам, как французским, так и других стран.

Цитаты из писем Маркса и Энгельса, приводимые мной в настоящей брошюре, заимствованы мной почти все из «*Переписки Маркса и Энгельса*» недавно вышедший в свет в четырёх томах в Штутгарте у Дица. Для писем, заимствованных из другого источника, я указываю в примечании откуда они мной взяты.

**I. Подготовительные работы по
организации Интернационала
(1862-1864 г.). – Митинг 28
сентября 1864 года. – Устав
Интернационала.**

Всемирная выставка в Лондоне в 1862 году послужила предлогом для свидания французских и английских рабочих и результатом происшедшего при этом свидании обмена мнений было создание Интернационала. В Лондон, на выставку 1862 года из Франции была послана делегация в составе двухсот рабочих; официальная цель этой делегации заключалась в обозрении выставки и в изучении технических и промышленных успехов. Французские рабочие делегаты, приехав в Лондон, тотчас же установили сношения с английскими тред-юнионами и 5-го августа 1862 года лондонские рабочие тред-юнионисты устроили в честь французских гостей большой банкет. На этом банкете англичане, приветствуя своих французских собратьев, прочитали своё воззвание и выразили пожелание сближения с рабочими различных стран. «Надеемся, говорили они в своём адресе¹, что мы найдём способ установить международные сношения и что отныне каждый новый день будет приносить новые звенья той братской связи, которая должна объединить трудящихся всех стран». Французские делегаты, в ответ на это, предложили немедленно приступить к организации «рабочих комитетов для ведения переписки по вопросам международной промышленности». Это предложение было принято единогласно.

В следующем 1863 году польское восстание вызвало сочувственное движение, как в Англии, так и во Франции. Лондонские рабочие устроили 22-го июля митинг в защиту Польши, и пригласили на этот митинг французских рабочих. В ответ на это приглашение из Парижа в Лондон приехала рабочая делегация в составе шести человек. На этом митинге английский рабочий тред-юнионист Оджер, после своей речи о всеобщем мире, выразил пожелание, чтобы рабочие всех стран устраивали бы регулярные международные съезды для совместного обсуждения о способах борьбы против капитализма; одной из задач таких съездов должно быть изыскание средств устранения международной конкуренции рабочих, так как в это время капиталисты очень часто во время стачек привозили рабочих из заграницы, которые понижали заработную плату местных рабочих. Это пожелание было принято собранием вполне одобрительно.

В 1864 году рабочее движение, как в Англии, так и во Франции, значительно усилилось. В то время, как в Германии национально-социалистическая пропаганда, предпринятая Фердинандом Лассалем в 1862 году, была неожиданно прервана трагической смертью Лассала, Франция и Англия заложили основание международной пролетарской организации.

Английские рабочие не замыкались в это время в узкие рамки национальных интересов, а внимательно следили за всем, что происходит в других странах и приветствовали все проявления стремлений к свободе. В апреле 1864 года английские тред-юнионисты устроили торжественное чествование Гарибальди, и в то же время они открыто высказали свои симпатии федералистам Северо-Американских Соединённых Штатов, боровшихся против рабовладельцев Южных Штатов. Во Франции (в мае 1864 года), под давлением рабочих корпораций были аннулированы в Своде законов статьи запрещающие рабочим свободы коалиций. После этого акта рабочие синдикаты во Франции стали сильно распространяться. В сентябре 1864 года лондонские рабочие решили созвать новый международный митинг с целью протест-

¹ коллективное торжественное письменное приветствие. (совр. прим)

ста против угнетения русским правительством поляков. Они послали приглашение прибыть на этот митинг и французским рабочим. Митинг был назначен на 28-ое сентября, в зале Сент-Мартинс-Холла. В ответ на это приглашение парижские рабочие делегировали в Лондон троих своих товарищей; это были – Толен, гравёр, Перрашон, бронзовщик, и Лимузен, басонщик. Эти делегаты взяли с собой приветственный адрес от парижских рабочих и проект организации международной рабочей ассоциации. Митинг состоялся 28-го сентября под председательством молодого профессора Эдварда Спенсера Бизли, позитивиста и крайнего радикала, который, открывая митинг произнёс горячую речь в защиту угнетаемых народов. В своей речи Бизли указывал на насилия правительств и выражал надежду, что предполагаемый союз между рабочими всех стран будет осуществлён на настоящем собрании. После этого Оджер прочитал адрес, посланный парижским рабочим; в ответ на что, Толен, в свою очередь, прочитал приветственное воззвание парижских рабочих, в котором говорилось:

«Рабочие всех стран, желающие стать свободными, настала ваша очередь иметь съезды. Ныне народ выступает на историческую сцену, имея сознание о своей силе; народ поднимается против тирании в области политической и против монополии и привилегий в области экономической... Рабочие всех стран, нам необходимо объединиться между собой, чтобы противопоставить непродолимую преграду пагубной системе, разделяющей человечество на два класса».

Присутствовавший на митинге молодой профессор французского языка, Ле-Любез, перевёл на английский приветствие Толена, а затем изложил план организации международной ассоциации рабочих, представленный французами. Этот проект был встречен восторженными аплодисментами. Тред-юнионист Уилер предложил после этого свою резолюцию. В своей речи Уилер с дружеской иронией заметил, что «французы всегда шли впереди англичан: в то время, как англичане послали своё приветствие в Париж по почте, французы привезли своё приветствие английским рабочим лично, в Лондон, и вдобавок вместе с ним представили проект организации международной ассоциации, и этот проект служит прекрасным доказательством того, что всякий прогресс исходит всегда из Франции, даже тогда, когда французы являются наиболее угнетёнными из народов». Предложенная Уилером резолюция была составлена в следующих выражениях:

«Собрание, выслушав ответное приветствие наших французских братьев, ещё раз посылает им своё приветствие, и, считая, что их программа может послужить улучшению положения рабочих, принимает эту программу как основу *международной* организации. Митинг избирает временный комитет, с правом кооптации других членов, и поручает этому комитету выработать устав этой ассоциации».

Эта резолюция была принята единогласно и временный комитет, местопребывание которого было назначено в Лондоне, был избран на этом же митинге. В комитет вошли, главным образом, англичане, среди которых прошли рабочие тред-юнионисты Оджер, Кремер, Уилер, Люкрафт, и последователь Роберта Оуэна Уэстон. Ле-Любез и ещё два или три француза, жившие в Лондоне, были избраны как представители Франции, Фонтана и Вольф (секретари итальянского революционера Мадзини) были избраны представителями от Италии, немец, портной Эккариус и

доктор Карл Маркс прошли от Германии. Этому комитету было поручено выработать проект устава и созвать в 1865 году первый международный рабочий конгресс.

Так было основано знаменитое *Международное Товарищество Рабочих* более известное под сокращённым названием **Интернационала**. Это товарищество являлось, по выражению француза Бибалья, учителя-социалиста, «ребёнком, рожденным в мастерских Парижа и отданным на воспитание в Лондон».

Сам Карл Маркс, в письме от 4-го ноября 1864 года к своему другу Энгельсу, (которые жил в то время в Манчестере) так рассказывает об этом событии:

«Несколько времени тому назад лондонские рабочие послали парижским рабочим адрес, касавшийся Польши, и приглашали французов к общему выступлению в защиту польского народа. Парижане, со своей стороны, послали в Лондон свою делегацию, во главе которой был Толен, выставивший на последних выборах свою кандидатуру в Парламент, – человек очень порядочный. (Его товарищи также славные ребята). 28-го сентября в Сент-Мартинс-Холле был созван большой митинг по инициативе Оджера (сапожник, председатель *Лондонского Совета тред-юнионов*, а также и *Общества агитации в пользу всеобщего избирательного права*) и Кремера (каменщик, секретарь тред-юниона каменщиков). Недавно этими лицами был организован также большой митинг, под председательством Брайта², в Сент-Джеймс-Холле, по поводу американцев, и манифестация в честь Гарибальди. Некто, Ле-Любез, прислал мне приглашение принять участие в созываемом митинге, как представителю немецких рабочих; он просил также меня не могу ли я указать какого-нибудь немецкого рабочего, живущего в Лондоне, который мог бы выступить на митинге оратором от Германии и прочее. Я указал на Эккариуса, который согласился и хорошо выполнил свою роль, я сам присутствовал на митинге в качестве безмолвного зрителя. Я пошёл на митинг потому, что знал, что, как со стороны лондонцев, так и со стороны парижан, будут выступать на этот раз действительные «силы»; поэтому я решил на этот раз изменить своему обычному правилу – отказываться от приглашений подобного рода».

На своём первом заседании временный Исполнительный Комитет, выбранный 28-го сентября, избрал из своей среды комиссию для выработки особой Декларации и проекта уставов. Маркс вошёл в эту комиссию, как один из членов; другие члены уставной комиссии были (согласно письму Маркса от 4-го ноября 1864 года): итальянизированный польский еврей Вольф, француз Ле-Любез, англичане Кремер и Уэстон. Благодаря своему нездоровью Маркс не присутствовал на первых двух заседаниях уставной комиссии, а также и на втором общем заседании Исполнительного Комитета, так что работа комиссии по выработке устава Интернационала совершалась без участия Маркса. На первом заседании уставной комиссии Вольф предложил взять как основу уставы итальянских рабочих обществ (мадзинистов); оуэнист Уэстон, со своей стороны, представил свой проект, крайне спутанный и неясный. На втором своём заседании Исполнительный Комитет, рассмотрев проекты Вольфа и Уэстона, уполномочил уставную комиссию переделать их и внести некоторые изменения. На втором заседании уставной комиссии (в отсутствие Маркса) Ле-Любез представил выработанную им Декларацию и переделку проекта устава

² Джон Брайт был глава радикальной английской партии.

Вольфа; эти два документа были приняты комиссией, чтобы представить их на третье общее заседание Исполнительного Комитета, которое должно было состояться 18-го октября.

Маркс в своём письме, из которого мы заимствовали вышеприведённые сведения, рисует последующие факты такими словами:

«Эккариус сообщил мне обо всём этом, указывая на опасность моего отсутствия, и поэтому я пришёл на заседание Комитета (18-го октября). Действительно, я пришёл в ужас, когда Ле-Любез стал читать введение к уставу, полное страшной фразеологии, скверно написанное, и совершенно детское произведение... кроме того, в уставе были всецело сохранены характерные черты итальянских уставов. Эти уставы, независимо от их других недостатков, представляли нечто совершенно неприемлемое, в них говорилось о центральном правительстве (конечно, с Мадзини за кулисами) рабочих классов Европы. Я сделал несколько замечаний, ничего не затрагивая по существу; после долгих обсуждений, Эккариус предложил, чтобы уставная комиссия собралась ещё раз и вновь пересмотрела бы и «проредактировала» проекты. Собрание согласилось, высказав, однако, пожелание, чтобы дух представленной Ле-Любезом декларации был оставлен».

Каким же образом можно было переделать проекты Вольфа и Ле-Любеза? «Я твёрдо решил, говорит Маркс, не оставлять, если будет возможность, ни одной строчки из всего этого пустого набора слов». С этой целью Маркс, собрав членов комиссии у себя на квартире, 20-го октября предложил, «чтобы выиграть время» – или, вернее, чтобы его убить, – перейти к постатейному обсуждению устава.

«На это комиссия согласилась. В течение целого вечера обсуждали только первую статью устава, которая в окончательной редакции и была принята в час ночи. Оставалось ещё проредактировать 39 статей. Тогда Кремер сказал (чего я и добивался): «Исполнительный комитет соберётся 25-го октября, мы не будем в состоянии что-нибудь ему представить. Необходимо перенести заседание Комитета на 1-ое ноября, а нам собраться ещё раз 27-го октября и постараться в это заседание закончить нашу задачу». Это предложение было принято, и все бумаги оставили мне для просмотра.

Прочитав все проекты, я увидел, что из всей этой галиматии нельзя ничего сделать. Чтобы оправдать свои слова, что я «исправлю» проекты, я решил написать «Воззвание к рабочим классам» (первоначально это не входило в наш план). Это воззвание представляет нечто вроде обзора фактов и действий рабочих с 1845 года³. Затем, под тем предлогом, что все исторические факты указаны в этом «Воззвании» и что мы не можем говорить три раза об одном и том же, я изменил всё Введение к уставу, уничтожил Декларацию, и, наконец, убавил из сорока параграфов устава тридцать, оставив лишь десять статей. Мои предложения были все приняты комиссией; меня заставили лишь добавить в текст Введения к уставу две фразы о правах и обязанностях, и о правде, нравственности и справедливости; однако, я вставил эти фразы таким образом, что они не могут принести большого зла⁴.

³ Этот документ был назван «Вступительным воззванием». Шарль Лонге перевёл его в 1866 году на французский язык и издал его под заглавием «Манифест Международного Товарищества Рабочих».

⁴ Эти две фразы, которые Маркс принял только потому, что они ему были «навязаны», но которые были вставлены в устав так, что не могли «принести большого зла», были таковы:

В заседании Исполнительного Комитета (1-го ноября), моё «Воззвание к рабочим классам» и всё остальное было принято с большим энтузиазмом и единогласно. Очень трудно было изложить нашу точку зрения так, чтобы она была приемлема и понятна для рабочих в данный момент, принимая во внимание современное состояние рабочего движения. Не забудь, что эти самые люди устраивают через две недели митинги для защиты всеобщего избирательного права, с участием на этих митингах Брайта и Кобдена! Нужно ещё долгое время, чтобы пробудилась рабочая мысль, и чтобы можно было говорить прежним ясным языком. Для настоящего же момента необходимо действовать согласно правилу *fortiter in re, suaviter in modo*⁵»

В том же письме от 4-го ноября, из которого мы заимствуем вышеприведённые строки, Маркс описывает Энгельсу как он, накануне (3-го ноября) виделся с Бакуниным, которого он знал ещё с 1843 года, но которого он не видал с 1848 года. Бакунин в это время находился в Лондоне проездом, возвращаясь из Швеции в Италию, где он поселился после неудачного восстания в Польше. Маркс, узнав о приезде Бакунина в Лондон, написал ему письмо, в котором он выражал своё желание возобновить старое знакомство. Вот отрывок из письма Маркса относительно этого свидания:

«Бакунин тебе кланяется. Он уехал сегодня в Италию, где он живёт (во Флоренции). Я виделся с ним вчера в первый раз после шестнадцатилетнего перерыва. Я должен сказать, что он мне теперь больше нравится, чем прежде. Он рассказывал о польском движении, говорил, что русскому правительству нужно было это движение, чтобы усилить реакцию в самой России, оно только не рассчитывало, что борьба будет длиться целых восемнадцать месяцев. Таким образом, польское восстание было спровоцировано. По мнению Бакунина, две причины послужили разгрому Польши – влияние Наполеона III и нерешительность польской аристократии, которая не захотела с самого начала идти вместе с крестьянами и открыто и честно признать *крестьянский социализм*. Бакунин говорит, что после неудачи польского восстания, он хочет заняться лишь исключительно социалистическим движением. В общем, Бакунин принадлежит к числу тех людей, как я нахожу после перерыва в шестнадцать лет, которые прогрессировали, шли вперёд, а не назад».

Когда Бакунин был уже в Италии, Маркс послал ему несколько экземпляров устава Интернационала. Но, хотя Бакунин и выразил желание пропагандировать идеи новой ассоциации, однако, вернувшись в Италию, предпочёл посвятить себя делу, которое он считал более настоящим и более подходящим к итальянским условиям, а именно, создание революционной тайной организации, имевшей целью борьбу со сторонниками Мадзини (мадзинистами), действовавшими в то время среди итальянских рабочих. В то же время Бакунин мечтал о создании тайного международного революционного союза. Интернационал казался ему в это время слишком умеренным и не боеспособным. Бакунин вошёл в Интернационал в 1867 году, когда он увидал, что многие секции становятся на революционный путь.

⁵ «Быть определённым по существу дела, но неопределённым по форме».

**II. Учреждение парижской секции
Интернационала (январь 1865 г.).
– Конференция в Лондоне
(сентябрь 1865 г.). – Первый
общий конгресс Интернационала
в Женеве (сентябрь 1866 г.).**

Временный устав Интернационала, вышедший из печати в Лондоне в ноябре месяце по-английски, был послан в Париж Главным Советом Интернационала (под таким наименованием стал функционировать, в силу устава, временный комитет, избранный на митинге 28-го сентября; в английской редакции устава он был назван Центральным Советом – Central Council). Парижская группа рабочих, примкнувших к Интернационалу, решила организовать *Парижское Бюро* Интернационала. Толен Э. Фрибур, резчик-декоратор, и Шарль Лимузен (сын Антуана Лимузена, бывшего делегатом на митинге 28 сентября 1864 года) были избраны секретарями. Устав, переведённый на французский язык, был отпечатан в декабре месяце (в Париже, типография Эдуарда Бло). 8-го января 1865 года один экземпляр устава был послан парижскому префекту полиции, а другой министру внутренних дел. В этот же день бюро Интернационала переехало в скромное помещение в доме №44 на улице Гравилье (третий округ); это помещение состояло всего лишь из одной комнаты, где находилась небольшая чугунная печка, простой некрашеный стол и два табурета.

Чтобы избежать преследований было условлено, чтобы каждый член примыкал индивидуально и непосредственно к Интернационалу, местопребывание которого было в Лондоне и, таким образом, правительство не могло возбудить преследование против членов Интернационала за организацию незаконного сообщества.

В сентябре 1865 года Парижское отделение Интернационала едва насчитывало только пятьсот членов. Причина такого медленного развития Интернационала во Франции заключалась всецело в том, что пропаганду приходилось вести тайным образом.

В 1865 году в Бельгии должен был состояться первый общий конгресс Интернационала. Но, Главный Совет в Лондоне признал, что созыв этого конгресса в 1865 году ещё не своевременен и поэтому он решил созвать вместо конгресса международную конференцию в Лондоне, которая и имела место с 25 до 29 сентября. Парижское отделение Интернационала послало на эту конференцию четырёх делегатов: Толена, Фрибура, Лимузена и Варлена. Кроме них на конференции приняли участие: делегаты от Швейцарии – Дюплекс и Беккер от Бельгии – Сезар де Пап, от Англии – Оджер, Кремер, Уилер, Хоуэль и Уэстон. В работах конференции приняли также участие и члены Главного Совета, – Ле-Любез, секретарь по делам Франции, Везинье, Дюпон, члены французской секции в Лондоне; Герман Юнг (секретарь по делам Швейцарии), Карл Маркс (секретарь по делам Германии), Эккариус, Вольф и другие. Конференция постановила, что первый конгресс Интернационала должен состояться в Женеве в 1866 году. Конференция закрылась дружеской «чайной беседой» и балом. Это дало парижанам возможность ближе познакомиться с членами Главного Совета. В то время, как Варлен и Лимузен танцевали молодыми дочерьми Маркса, сам Маркс рассказывал Толену и Фрибуру о том, как он глубоко ненавидит Прудона за его антикоммунистические идеи.

На одном из заседаний Лондонской конференции произошёл спор между Везинье и парижскими делегатами по поводу «польского вопроса». Везинье заявил, что те, кто выступает против того, чтобы вопрос о Польше был внесён в программу для будущего общего конгресса Интернационала, являются бонапартовскими агентами. Парижские делегаты, не желавшие вносить в программу дня конгресса чисто политические вопросы, сочли заявление Везинье оскорблением. Этот конфликт закончился

в 1866 году исключением Везинье и Ле-Любеза из членов Главного Совета, а в октябре 1866 года была исключена из Интернационала и вся лондонская французская секция.

В октябре 1865 года в Льеже был созван знаменитый первый международный студенческий конгресс, на котором приняли участие и многие члены Интернационала, и между прочим, Жермен Касс, Поль Лафарг, Тридон, братья Вильнев, Жакляр и другие.

Весной 1866 года вожди Интернационала всё ещё колебались относительно созыва конгресса и решили его временно отложить, так как развитие Интернационала шло довольно медленно. Маркс, который благодаря болезни не принимал участия целых три месяца в заседаниях совета, писал по этому поводу Энгельсу (письмо 6-го апреля): «я должен сказать тебе откровенно, что дела в Интернационале идут очень скверно; благодаря настояниям торопливых французов конгресс назначен в конце мая. Английские лидеры в Лондоне относятся *очень холодно* ко всему, что касается наших дел... Полный провал конгресса будет ими принят безразлично. Но для нас это будет большим ударом. Мы можем стать посмешищем для всей Европы! Что делать?» Возвратившись в Лондон, Маркс настоял на том, чтобы конгресс был отложен до сентября; но, тем не менее, он не верил в его успех, и в письме от 22-го апреля к Энгельсу, он писал: «я решил сделать всё, что возможно для успеха конгресса в Женеве, но я сам лично не поеду на него. Этим самым я избежну всякой личной ответственности».

Как известно в июне 1866 года между Австрией и Пруссией неожиданно разразилась война, которая привела к разгрому австрийской армии под Садовой (3 июля) и закончилась присоединением к Пруссии Ганновера, Гессена, Нассау и Франкфурта. Результатом этой войны явилось также созданием, под главенством Пруссии, Северо-немецкого союза, во главе с парламентом (рейхстагом), избираемом всеобщим голосованием. С основанием Северо-немецкого союза над Европой появился призрак новых войн, и радикальная часть французской прессы не замедлила указать на эту угрозу. В мае 1866 года французские студенты-социалисты составили воззвание к студентам Германии, Австрии и Италии, приглашая их протестовать против бесчеловечных войн, предпринимаемых под предлогом защиты национальных интересов. Это воззвание было напечатано в левых парижских газетах: «Французский курьер» Вермореля и «Левый берег» Лонге. 10-го июля 1866 года Верморель напечатал в своей газете знаменитую статью «*Стачка народов против войны*». В свою очередь, парижское отделение Интернационала составило воззвание (17 июня), в котором высказывалась надежда, что народы не дадут ослепить себя пороховым дымом и не останутся глухи к призывам солидарности и справедливости; в воззвании говорилось, что в скором времени откроется рабочий международный конгресс, на котором рабочие обсудят тщательно важный вопрос о войне и её неспособности разрешить международные конфликты. 1-го июля в газете «Левый берег» Поль Лафарг, также как и Верморель, указывал на войну, как на реакционное явление и восставал против национальных предрассудков.

Война закончилась перемирием в Никольсбурге 26-го июля и с этого момента гегемония Пруссии в Германии была обеспечена.

Во всё время этой войны отношение к ней Маркса было крайне странным, и мы должны сказать об этом несколько слов, чтобы лучше затем понять отношение Маркса к франко-прусской войне 1870 года. В своём письме от 7-го июня 1866 года Маркс писал Энгельсу:

«Война разразилась... Пруссаки решили загладить своё фанфаронство⁶; во всяком случае в Германии идиллия кончилась. Прудоновская шайка из парижских студентов выступила с проповедью мира и объявила войну пережитком варварских времён, а национальность пустым звуком; они набрасываются на Бисмарка, на Гарибальди и т.д. Как полемика против шовинизма их приём очень полезен и понятен. Но, как ученики Прудона – (среди которых и наши хорошие друзья Лафарг и Лонге⁷) – желающие уничтожить «нищету и невежество», которыми, нужно сказать, они в высокой степени сами страдают, хотя и кичатся своей «социальной наукой»; – они просто смешны».

20-го июля Маркс писал Энгельсу следующее:

«Вчера были в Совете Интернационала прения по поводу войны. Об этих прениях было известно заранее и поэтому зал заседаний был битком набит публикой. Господа итальянцы на этот раз прислали своих делегатов. Прения касались, главным образом, вопроса о национальности вообще и о нашем отношении к этому вопросу...

Французы, бывшие в значительном количестве на заседании, дали полную волю проявлению чувства своей антипатии к итальянцам. Представители Молодой Франции (не рабочие) заявили, что чувство национальности и сами нации представляют лишь «отжившие предрассудки». Они проповедуют штирнерианский прудонизм. По их мнению, следует всё разрушить, чтобы затем объединиться в маленькие «группы» или «коммуны», которые, в свою очередь, объединятся между собой в «общество», но не в Государство. В ожидании осуществления этой «индивидуализации» человечества и осуществления «мютюэлизма», который будет сопровождать эту индивидуализацию, нужно остановить весь ход истории, и мир должен ждать того момента, когда французы будут готовы к социальной революции. Тогда они проделают перед глазами всего мира свой опыт, и всё остальное человечество, заразившись их примером, совершит, в свою очередь, социальную революцию в своих странах. Французы-прудонисты ждут спасения мира посредством своих идей совершенно также, как Фурье ждал его от своего фаланстера. Всех тех, кто препятствует им на их пути и загромождает «социальный вопрос» «предрассудками» старого мира, они объявляют «реакционерами».

Англичане очень смеялись, когда я, взяв слово, начал с того, что указал на то, что наш друг Лафарг, который в своей речи совершенно уничтожил национальности, говорил, тем не менее, *по-французски*, то есть на языке, который для девяти десятых аудитории был совершенно непонятен. Я показал затем, что для Лафарга отрицание национальности вытекает из того, что он, может быть, совершенно не замечая того, желает поглощения их в единой образцовой нации – Франции».

⁶ Маркс был *велико-немец*, т.е. защитник идеи Великой Германии, которая должна включать в себя и Австрию.

⁷ Поль Лафарг и Шарль Лонге, будущие зятья Маркса, жили в это время, как эмигранты в Лондоне, откуда они писали статьи в газету «Левый берег», орган французских студентов, издававшийся в Брюсселе.

В первой половине июля в Лондоне происходили многочисленные манифестации против войны. По этому поводу Карл Маркс писал (письмо 7 июля):

«Рабочие манифестации в Лондоне... являются делом Интернационала. Так, например, Люкрафт, один из их организаторов член нашего Совета. Здесь видна вся разница двух методов – метода демократов, которые стремятся афишировать себя и показаться перед публикой и метода, состоящего в том, чтобы, оставаясь скрытым от глаз публики, *действовать за кулисами*».

В течение 1866 года Интернационал в Париже быстро развивался; летом 1866 года насчитывалось уже более 1200 членов, среди которых находилось много видных представителей республиканской буржуазии, как, например, известный филантроп Жюль Симон, историк Анри Мартен, прудонист Густав Шодэ и Шарль Беле, имевший уже 72 года. В августе месяце парижане были заняты составлением и редактированием наказа по вопросам, которые фигурировали в программе Женевского конгресса.

В это время Карл Маркс в Лондоне составлял, в свою очередь, от имени Главного Совета, доклад конгрессу по этим же вопросам. Доклад этот был переведён на французский язык Дюпоном, который был выбран в Главный Совет корреспондентом по делам Франции, вместо исключённого Ле-Любеза.

Парижское отделение Интернационала послало на женевский конгресс одиннадцать делегатов: Бурдона, Камелина, Шемале, Культена, Фрибура, Гиара, Малона, Мюра, Перрашона, Толена и Варлена. Из Лиона были делегированы Боди, Оноре Ришар, Шеттель и Секретн. Руанская секция послала Эмиля Обри. На конгрессе приняли участие, кроме названных французских делегатов, шесть членов Главного Совета и двадцать делегатов от пятнадцати швейцарских секций. Президентом конгресса был избран Герман Юнг, рабочий-часовщик, родившийся в Швейцарии, но переселившийся ещё в сороковых годах в Лондон. Он хорошо говорил на трёх языках – по-французски, по-английски и по-немецки.

Женевский конгресс пересмотрел и окончательно утвердил общий устав Интернационала. Устав был переведён с английского языка на французский и на немецкий и делегаты утверждали текст устава на том языке, какой им был знаком. Но, впоследствии оказалось, что французский текст несколько разнился от английского и немецкого, однако, на конгрессе этого никто не заметил. Конгресс переизбрал Главный Совет, большинство членов которого остались прежние. Местопребывание Совета снова были избран Лондон.

Во время прений при рассмотрении устава был поднят интересный вопрос о том, кто может быть членом Интернационала. На конференции 1865 года парижские делегаты настаивали на том, что членами Интернационала могут быть только одни рабочие, не имеющие никаких других источников своего существования кроме своего заработка; парижские делегаты, поднимая этот вопрос, хотели помешать вступлению в Интернационал «работников умственного труда», то есть представителей так называемых свободных профессий – «адвокатов, поэтов, писателей, докторов, артистов, журналистов». Англичане, швейцарцы и бельгийцы выразили своё желание, чтобы в члены Интернационала мог вступать всякий желающий. Они указывали, что иногда работники умственного труда находятся в ещё более бедственном положении, чем работники физического труда и поэтому закрывать перед ними двери Ассоциации было бы несправедливо. Лондонская конференция решила

этот вопрос так, что каждая секция могла, под своей ответственностью, принимать всех желающих в члены Интернационала, придавая слову «*работник*» тот смысл и значение, какое ей кажется в данном случае подходящим.

Когда, на женевском конгрессе стали голосовать за статью устава, говорящую, что «членом Интернационала может быть всякий, кто принимает и защищает принципы Ассоциации», парижские делегаты снова поставили на разрешение вопрос «какой смысл нужно придавать слову *рабочий*? Может ли быть членом Интернационала *работник умственного труда*?» На второй из этих вопросов конгресс ответил положительно. Тогда парижские делегаты указали, что при таком положении в Интернационале открывается свободный доступ всем честолюбцам и политикам.

Однако, большинство конгресса высказалось против доводов парижан. Отстаивая свою точку зрения, парижские делегаты после этого подняли вопрос о том, чтобы *делегатами* на рабочие конгрессы могли быть избираемы только рабочие. Толен сказал, что если можно ещё допустить, что безразлично из кого состоят рядовые члены Интернационала, то совершенно недопустимо, чтобы этот принцип также проводился и при выборе делегатов: рабочий класс, говорил он, ведёт постоянную борьбу против буржуазного класса и, следовательно, необходимо, чтобы все лица, являющиеся представителями и уполномоченными рабочих организаций и групп, были рабочими. Перрашон заявил, со своей стороны, что допущение избрания в делегаты нерабочих может погубить весь Интернационал. Английский делегат Кремер, удивляясь такой точке зрения, указал, что среди членов Главного Совета много лиц не принадлежат к рабочему классу, однако, их преданность делу рабочего класса ничуть не меньше, чем членов-рабочих. Кремер указал, между прочим, на Карла Маркса и добавил, что он, хотя и не рабочий, но посвятил всю свою жизнь для рабочего дела. В своей речи Фрибур сказал, что, допуская в свои ряды нерабочий элемент, трудящиеся рискуют увидеть в один прекрасный день, что их «рабочие» конгрессы будут состоять, в большей части, из экономистов, литераторов, адвокатов, хозяев и т. д., чтобы было бы очень смешно и что, без сомнения, погубило бы Интернационал.

Картер, поддерживая Кремера, прибавил, отвечая Фрибуру, что гражданин Маркс понял вполне всё значение этого конгресса, на котором должны принять участие, действительно, только одни рабочие. Вот почему Маркс отказался быть делегатом на этом конгрессе, хотя его и просил об этом Главный Совет⁸.

Толен, отвечая Картеру, сказал: «как рабочий, я очень благодарен гражданину Марксу за то, что он отказался быть делегатом на конгрессе. Это служит доказательством, что Маркс думает, что рабочие конгрессы должны состоять только из рабочих физического труда. Если мы будем принимать на наши конгрессы представителей других классов, нам всегда могут сказать, что эти конгрессы не являются выразителями стремлений и желаний рабочих классов, потому что эти стремления исходят не от самих рабочих. Я думаю, что необходимо показать нам всему свету, что мы уже являемся настолько взрослыми, что может действовать сами». Поправка к параграфу устава, внесённая Толеном и гласившая, что «профессия рабочего физического труда

⁸ Выше мы видели, что Маркс отказался от поездки в Женеву совершенно по иным мотивам. Он не был уверен в успехе конгресса и не хотел брать на себя ответственность за эту неудачу.

необходима для того, чтобы иметь право быть избираемым в делегаты», – была отвергнута большинством в 25 голосов против 20.

Маркс внимательно следил за всем, что происходило на женевском конгрессе и был очень недоволен поведением парижских делегатов. В письме от 9-го октября к своему другу, доктору Кугельману, Маркс так описывал своё впечатление от первого конгресса Интернационала⁹:

«Мои опасения относительно первого конгресса в Женеве были велики. Но, вопреки моим ожиданиям, он, в общем, сошёл хорошо. Впечатление от этого во Франции, Англии и Америке было такое, какого я не ожидал. Я не мог, да и не хотел присутствовать на этом конгрессе, но я сам написал программу для лондонских делегатов. Я намеренно включил в неё только такие пункты, которые позволили бы осуществить немедленное соглашение, а не вызвали бы споров и разногласий. У господ парижан головы были наполнены пустейшими прудоновскими фразами. Они говорят о науке, ничего в ней не понимая... Под предлогом свободы и антигосударственности, или антиавторитарного индивидуализма, эти господа, – которые столь спокойно вот уже 16 лет терпят самый невыносимый деспотизм¹⁰ – проповедуют, в действительности, самые обыкновенный буржуазный режим, только идеализированный по прудоновскому образцу. Прудон причинил страшно много зла. Его кажущаяся критика и его мнимый антагонизм по отношению к утопистам... захватили и соблазнили сначала «блестящую молодёжь», студентов, а затем рабочих, в частности парижских, которые, как рабочие, изготавливающие предметы роскоши, сами того не сознавая сильно пахнут стариной. Невежественные, пустые, заносчивые, болтливые, надутые¹¹, – они готовы были всё уничтожить, поспешивши на конгресс в таком количестве, которое совершенно не соответствовало числу членов их секций¹². В отчёте о конгрессе, я их, между прочим, отделаю так, как они этого заслуживают».

В этом письме сказался весь Маркс.

⁹ Письмо опубликованное Neue Zeit в переписке Маркса с Кугельманом.

¹⁰ А разве немцы, начиная с 1850 года не переносили «спокойно» самую «невыносимую реакцию»?

¹¹ Всё это можно было сказать и то отчасти лишь о некоторых деятелях французских секций Интернационала, как например, о Толене (хотя Маркс в 1864 году говорил о нём иначе), Фрибуре, Гелигоне и Шемале. Но в это время в парижской секции Интернационала были Варлен, Далякур, Камелина, Бурдон, Делагейе, Комболь, Авриаль, Ланжевен, Пэнди, Ландрен, Тейш, Дюваль, Мальзье и много других, которые были настоящими революционерами и борцами против империи.

¹² Маркс указывает, что одиннадцать членов от французских секций не соответствовали числу членов французских секций, но он ни одним словом не протестует, что пятнадцать мелких швейцарских секций и десять союзов послали 33 делегата. Маркс обходит этот факт молчанием, очевидно, потому что большинство этих делегатов голосовали за предложения Главного Совета, т.е. Маркса.

**III. Избрание Исполнительного
Комитета Парижской секции. –
Второй конгресс Интернационала
в Лозанне. – Конгресс Лиги Мира
и Свободы в Женеве (сентябрь
1867 г.).**

После женевского конгресса парижское отделение Интернационала преобразовалось в секцию и избрало для управления делами Исполнительный Комитет из пятнадцати человек. Продолжительность полномочий Комитета была установлена на годичный срок; Комитет из своей среды избрал трёх членов-корреспондентов, (Толена, Фрибура и Варлена), одного казначея (Гелигона) секретаря и архивариуса. Остальные девять членов комитета были: Камелина, Мюра, Перрашон, Фурнэз, Готье, Беллами, Гиар, Делагей и Делорм.

Из жизни парижской секции за время от женевского конгресса до лозаннского конгресса следует отметить следующие события: стачку бронзовщиков, по поводу которой Толен и Фрибур с темя делегатами от стачечного комитета ездили в Лондон просить поддержки английских рабочих. Денежная помощь была оказана. Стачка закончилась победой рабочих и это имело большое значение. В конце марта в городе Рубэ произошли сильные рабочие волнения. Рабочие – прядильщики и ткачи – разрушили и сожгли несколько фабрик и мастерских, разбили машины и станки. Парижский Комитет Интернационала опубликовал по этому поводу воззвание, в котором, заявляя свою солидарность с эксплуатируемыми, он указывал на бесцельность и бесполезность разрушения машин и фабрик, так как эти орудия труда не повинны в эксплуатации рабочих. 21-го апреля Комитет издал другое воззвание, призывая рабочих прийти на помощь стачечникам углекопам в Фюво.

Весной во Франции распространился слух о близкой войне Франции с Германией по вопросу о Люксембурге. По этому поводу немецкие рабочие прислали в Комитет Парижской секции Интернационала свой манифест, где говорилось, что интересы французских и немецких рабочих солидарны и требуют недопущения войны. В ответ на этот манифест парижские интернационалисты, со своей стороны, послали немецким рабочим «ответный манифест», в котором говорили «о всемирной солидарности и неразрушимом союзе рабочих».

1-го апреля в Париже открылась всемирная выставка; по случаю этой выставки в Париж приехал русский царь Александр II, чтобы отдать визит Наполеону III. 6-го июня поляк Березовский совершил покушение на Александра II и выстрелил в него из револьвера, но, неудачно.

Второй общий конгресс Интернационала был назначен в Лозанне, в сентябре 1867 года. Европейская демократия, со своей стороны, под руководством Гарибальди, Эдгара Кинэ и Бакунина, организовала Международную Лигу Мира и Свободы, первый конгресс которой был назначен 9-го сентября в Женеве.

На Лозаннском конгрессе Франция была представлена 18 делегатами, из которых девять были от парижской секции (Толен, Мюра, Фрибур, Шемале, Марли набойщик, Гарб жестянщик, Пиолей механик, Реймон литограф, и де Бомон гравёр-резчик). Главный совет делегировал Дюпона, Эккариуса, Лесснера и Картера. Кроме них от Англии на конгрессе было ещё три делегата, от Бельгии – один (Сезар де Пап), от Германии – два (доктор Кугельман из Ганновера и Людвиг Бюхнер из Дармштадта). В числе швейцарских делегатов были доктор Куллери¹³ из Шо-де-Фона и Джеймс Гильом из Локля. Всего было прислано разными странами 71 делегат.

¹³ или «Кульри» (совр. прим.)

Лозаннский конгресс, более революционный чем предшествовавший Женевский, произвёл огромное впечатление как на самих членов конгресса, так и на журналистов и корреспондентов. Делегаты почувствовали, что они являются представителями новой нарождающейся социальной силы, которой суждено завоевать будущее, и «перед ними в первый раз встали грандиозные перспективы всемирной социальной революции».

Главным вопросом, обсуждавшимся на конгрессе в Лозанне, был вопрос о частной собственности. Бельгийский делегат Сезар де Пап представил доклад о коллективной собственности и указывал на всю несправедливость права частной собственности на землю и на орудия труда. Против теорий Сезара де Папа выступили французы Лонге и Шемале. После долгих прений, конгресс не пришёл ни к какому определённом решению и отложил этот вопрос до следующего конгресса. Местом следующего конгресса был назначен город Брюссель.

Лига Мира и Свободы пригласила делегатов Лозаннского конгресса Интернационала принять участие в её конгрессе. В ответ на это приглашение Лозаннский конгресс ответил, что осуществление мира возможно будет лишь при «новом строе, в котором не будет деления общества на два класса, из которых один эксплуатирует другой». Кроме этого, члены Лозаннского конгресса указывали, что коренная причина войн – это отсутствие экономического равновесия в существующем обществе, что для того, чтобы уничтожить войну недостаточно ещё уничтожить армию, но необходимо изменить всю современную социальную организацию в смысле более равномерного и справедливого распределения продуктов. Конгресс избрал делегацию из трёх лиц: Толена, де Папа и Джеймса Гильома, которым и поручил передать выработанную конгрессом резолюцию.

Парижские делегаты играли на Лозаннском конгрессе выдающуюся роль. Верморель, в своей газете *«Французский Курьер»* подчеркнул этот факт и говорил о «серьёзном характере» этих рабочих, которые «не говорили длинных речей», но осмысленно и здраво обсуждали наиболее трудные экономические вопросы.

Такие похвалы раздражали Маркса. В это время он был занят исправлением корректур первого тома своего *«Капитала»*, который печатался в Германии. Поглощённый этой работой, Маркс несколько отошёл от практической работы в Интернационале, однако, он внимательно следил за всем, что происходило в Интернационале и успех французов на конгрессе его бесил. На следующем конгрессе 1868 года Маркс решил сам выступить на борьбу с ними и по этому поводу в письме от 11-го сентября к Энгельсу он говорит:

«Я поеду лично на следующий конгресс в Брюссель, чтобы нанести смертельный удар этим прудоновским осликам. Я устроил всё дело очень дипломатически. Я не хотел выступать лично до тех пор, пока моя книга (Капитал) не вышла из печати и пока Интернационал не вполне укрепился. Впрочем, в официальном докладе Главного Совета, – потому что, несмотря на их старания, парижские болтуны не могли помешать нашему переизбранию¹⁴, – я постараюсь их отхлестать.

¹⁴ Маркс воображал, что парижане хотели сделать местом пребывания Главного Совета Интернационала Париж, или, временно, Брюссель. Но, он глубоко ошибался. Парижане никогда не думали об этом. Интернационалисты во всех странах были согласны с тем, чтобы Главный Совет был в Лондоне, по крайней мере, до тех пор, пока победоносная революция не сделает Париж свободным городом.

Наша Ассоциация быстро развивается. Несчастливая газета «Star», хотевшая было совершенно игнорировать нас, вчера в передовой статье заявила, что конгресс Интернационала имеет больше значения, чем конгресс Лиги Мира и Свободы. Шульце-Делич не мог помешать своему *Рабочему Союзу* в Берлине примкнуть к нам. Паршивые собаки из английских тред-юнионистов, находившие, что мы заходим слишком далеко, теперь снова идут с нами... В будущей революции, которая, быть-может, более близка, чем это кажется, мы (то есть *ты* и *я*) будем иметь это могущественное орудие *в наших руках*. Сравни это со всеми результатами деятельности Мадзини и т. п., за тридцать лет! И всё это сделано без денег и несмотря на интриги прудонистов в Париже, Мадзини в Италии, Оджера, Кремера и Поттера в Лондоне, которые завидуют нам; и имея ещё вдобавок против нас Шульце-Делича и лассальянцев в Германии! Мы можем быть вполне довольны!»

В тот же день Энгельс писал Марксу по поводу корреспонденции Эккариуса в английской газете *Таймс*. В этой корреспонденции ревностный Маркс, Эккариус, хотел высмеять парижских делегатов, но хватил, как говорится, через край:

«Необходимо сохранить в тайне, писал Энгельс, фамилию автора этой корреспонденции, так как если это узнают, то Эккариусу может быть плохо. Нужно сказать ему, чтобы он, прежде чем посылать статью в буржуазную газету, задавал себе вопрос: не сможет ли буржуазия воспользоваться приводимыми фактами, чтобы дискредитировать и высмеять весь конгресс в целом, а не только нескольких французов.

Так как ты в хороших отношениях с Верморелем, то не можешь ли сказать ему, чтобы он не говорил столько глупостей о Германии? Глупо требовать, чтобы Наполеон III сделался *либеральным*, и чтобы он объявил войну Германии, чтобы освободить немцев от тирании Бисмарка! Эти жабы¹⁵, которые, даже в случае, если они сделают революцию, должны по отношению к Германии быть очень осторожны, воображают, что достаточно небольшой дозы либерализма, чтобы Франция смогла снова играть свою прежнюю роль! Я считаю очень важным, именно с точки зрения революции, проучить этих господ относиться к нам по-иному».

На следующий день, 12 сентября, Маркс отвечает Энгельсу:

«Я вполне разделяю твоё мнение относительно Эккариуса... но, в этом нет большой беды: насмешки Эккариуса будут приняты как исходящие от *Таймс*:

«Бездельники из французской Швейцарии, бывшие на конгрессе в большом количестве поддержали французских болтунов, благодаря глупости старого Беккера... Но всё это ничего не значит. Существенно не то, что говорили на конгрессе, а то, что он состоялся. В нашем общем докладе парижские хитрецы будут высмеяны основательно... Необходимо на следующий конгресс в Брюсселе делегировать двадцать англичан и тридцать немцев¹⁶... (чтобы составить большинство против французов)

...

Очень жаль, что мы не имеем никого в Париже, кто мог бы войти в сношение с теми французскими секциями, которые настроены враждебно к прудонистам (а они

¹⁵ Название жабы (crapauds) было любимым выражением Маркса и Энгельса по отношению к французским рабочим.

¹⁶ Вопреки этому плану Маркса, на конгрессе в Брюсселе было только 7 англичан и 7 немцев (из них двое были из Лондона и один из Женевы), тогда как французов явилось 20 человек, швейцарцев 7, испанцев 1 и бельгийцев 56 делегатов.

составляют большинство!). Если бы Дюпон мог провести несколько недель в Париже дело могло бы наладиться».

С этого момента роль Маркса в Интернационале вполне выяснилась – он хотел быть диктатором. Отныне Интернационал – это его орудие и он, как мы видели выше, откровенно писал Энгельсу: «в ближайшую революцию, мы (то есть *ты и я*) будем иметь это могущественное орудие *в своих руках*».

Когда, вскоре после войны 1870 года некоторые лица стали говорить о «пангерманизме» Маркса и Главного Совета, Маркс нисколько не возмущался этим, а наоборот, ставил себе это как будто в заслугу. Да, говорил он, я немец, и хороший немец (*von Haus aus ein Deutscher*); благодаря мне немецкая наука проникла в Главный Совет Интернационала и за это следует только благодарить! Вот в каких выражениях Маркс писал по этому поводу в письме к своему другу Болту, в Нью-Йорк, 23 ноября 1871 года:

«Некоторые думают, что в Главном Совете господствуют идеи пангерманизма и бисмаркизма. Факт заключается в том, что я немец и сумел распространить своё влияние на Главный Совет. Заметьте, что по своей численности в Главном Совете немецкий элемент в три раза слабее представлен, чем элементы французские и английские. Наше преступление заключается, следовательно, в том, что англичане и французы в области теории подчинились немецкому элементу; но от такого господства, которое является господством *немецкой науки*, они нисколько не страдают и даже признают это господство необходимым».

Позднее, в 1880 году, когда во Франции возникла «рабочая партия», основанная Гедом, Маломом, Лафаргом и другими, Маркс с гордостью указывал, что эта партия родилась под *немецким* влиянием. Он писал своему другу Зорге в письме от 5-го ноября 1880 года:

«Малон вынужден был примкнуть к «современному научному социализму», то есть к социализму *немецкому*... Газета «Освобождение», которая стала издаваться в Лионе, будет официальным органом партии, учреждённой на основах *немецкого* социализма... Лонге очень хорошо действует, так что даже Клемансо в своей последней речи в Марселе стал на нашу сторону. Мне нет надобности напоминать тебе – ты хорошо знаешь французский шовинизм – что тайные нити, при посредстве которых *лидеры*, от Геда и Малона до Клемансо включительно, приводятся в движение, должны быть известны только *нам*. Не нужно об этом много говорить. Когда мы хотим действовать во Франции, нужно делать дело анонимно, чтобы не раздражать *национального* чувства французов».

Как всё это поучительно!

На конгрессе Лиги Мира и Свободы в Женеве во время первого заседания Джеймсом Гильом, делегатом Интернационала, была прочитана декларация, выработанная Лозаннским конгрессом Интернационала. Эта декларация была встречена очень сочувственно. Лишь на следующий день несколько экономистов – Молинари, Дамет, Шербюлье и другие – выступили с протестом. В ответ на этот протест Дюпон, бывший председателем на Лозаннском конгрессе Интернационала, сказал: «разве вы уверены, что, когда регулярные армии будут распущены и заменены национальной милицией, мы будем наслаждаться вечным миром? Нет граждане, июньская революция 1848 года служит нам ответом... Чтобы установить вечный мир, необходимо

уничтожить те законы, которые угнетают рабочих, уничтожить все привилегии, и заставить всех граждан трудиться; - одним словом, принять социальную революцию со всеми её последствиями».

11-го сентября Гарибальди, в одном частном разговоре с некоторыми делегатами Интернационала (Толеном, Дюпоном, Мюра, Шемале, Фрибуром, де Папом и Джеймсом Гильомом) заявил: «Я совершенно согласен с вами. Нужно объявить войну трём формам тирании: политической, религиозной и социальной. Ваши принципы – мои».

Бакунин, который выступал публично на женевском конгрессе впервые после своего бегства из Сибири в 1861 году, произнёс на заседании 10-го сентября большую речь, в которой, между прочим, говорил: «Россия не встанет на ноги до тех пор, пока не примет идей федерализма и социализма».

На следующем заседании с пропагандой идей федералистского социализма выступил, в свою очередь, Шарль Лонге, упомянувший Бакунина в следующих выражениях: «вчера изгнанник царской России и первый гражданин России будущей, Бакунин, изложил перед нами идеи федералистского социализма с авторитетностью борца и мыслителя».

Наконец, 12-го сентября на заседании конгресса Сезар де Пап произнёс, со своей стороны, обстоятельную речь, заявляя себя также республиканцем и федералистом; он сказал: «но, мы не хотим республики номинальной и призрачной федерации. Мы желаем республики действительной, и, в особенности, в области экономической... мы хотим федерализма не только политического, но и экономического».

Прудонист Шодэ, стремившийся объединить буржуазную демократию и рабочих социалистов, сделал попытку в своей речи наметить условия, на которых могло бы произойти объединение. Со своей стороны, организатор конгресса, Эмиль Аколля, известный юрист и человек очень искренний, вполне был убеждён, что это объединение уже совершилось в умах передовых борцов и деятелей, присутствовавших на конгрессе. В своей корреспонденции в газету Temps он писал: «политика и экономия узнали друг друга и обе нашли общую почву примирения – в справедливости».

Но это была лишь иллюзия, и, уже начиная со следующего года, приходилось признать, что между социализмом и буржуазной демократией существует глубокая пропасть, которую нельзя ничем заполнить.

**IV. Преследование парижской
секции Интернационала. – Трети
конгресс Интернационала в
Брюсселе (1868 г.). – Второй
конгресс Лиги Мира и Свободы.**

Согласно своему постановлению, Парижский Комитет Интернационала устроил пере выборы своих членов после Лозаннского конгресса. Из прежних членов в новый комитет вошли: Шемале, Толен, Гелигон, Камелина, Мюра, Перрашон, Фурнез, Готье, Беллами, Гиар, Делагей и Делорм. Вновь были избраны трое – Готье, шорник, Жерарден, маляр и Бастьян.

В октябре и ноябре общественное мнение Франции было поглощено событиями, разыгравшимися в Италии. Как известно, Гарибальди на первом конгрессе Лиги Мира и Свободы внёс предложение об уничтожении папства. Вернувшись в Италию, Гарибальди предпринял фактические шаги к этому уничтожению. Он стал набирать открыто добровольцев в свой отряд, чтобы идти на Рим и захватить папу. Итальянское правительство отдало приказ об аресте Гарибальди. 24-го сентября Гарибальди был арестован и препровождён на остров Капреру. Через несколько дней он бежал оттуда. Арестованный вторично в Ливорно, Гарибальди снова бежал и, прибыв во Флоренцию, 21-го октября, он стал во главе своего отряда и направился в Рим. Тогда Наполеон III спешно послал в Италию из Тулона французские войска под начальством генерала Файи, чтобы охранить папу от гарибальдийцев. При известии об этом факте население Парижа пришло в волнение, 4-го ноября в Париже было устроена грандиозная манифестация на бульваре Бон-Нувель; в этой манифестации приняли участие многочисленные члены Интернационала. Накануне, в Ментане (в Италии) произошла первая стычка французских солдат с гарибальдийцами и добровольческий отряд Гарибальди был разбит. Сам Гарибальди после битвы был захвачен итальянскими властями в плен и препровождён снова на остров Капреру.

Французское правительство, терпевшее Интернационал с 1865 года, стало после этих событий беспокоиться по поводу Интернационала, боясь его открыто высказываемых революционных стремлений. После некоторых колебаний, оно решило открыть против Интернационала преследование. 30-го декабря были произведены на квартирах Толена, Мюра, Гелигона и Шемале обыски, а затем было начато против них судебное следствие. Опасаясь преследования и привлечения к суду за участие в тайном и незаконном сообществе, члены Комитета парижской секции 19 февраля 1868 года созвали общее собрание секции и предложили выбрать на всякий случай новый Комитет. Этот Комитет был избран 8-го марта в составе девяти человек. В него вошли: Бурдон, гравёр, Варлен, переплётчик, Малон, красильщик, Комболь, ювелир, Моллен, позолотчик, Эмиль Ландрин, чеканщик, Гумбер, гравёр по стеклу, Гранжан, щеточник, и Шарбоно, столяр. Помещение Комитета было перенесено с улицы Гравилье на улицу Шапон.

Два дня спустя после избрания нового Комитета, пятнадцать членов старого Комитета были вызваны в суд. Однако, суд на этот раз оставил своё намерение привлечь обвиняемых к наказанию за участие в тайном сообществе, а ограничился лишь обвинением в том, что они принимали участие в неразрешённом правительством обществе, насчитывающем более 20 членов. 20-го марта, после того как Толен выступил от имени всех своих товарищей с защитной речью, суд вынес свой приговор; на основании статей 291 и 292 Уголовного уложения и статей 1-го и 2-ой закона 1834 г. все обвиняемые были приговорены к ста франкам штрафа каждый, а «Международное Товарищество Рабочих, основанное в Париже под название Парижского Отдела» объявлено было распущенным.

Апелляционная жалоба, поданная обвиняемыми в Имперский суд 22-го апреля, была оставлена без последствий и приговор суда был утверждён в окончательной форме 29 апреля.

Судебное преследование, конечно, не могло остановить деятельность парижских интернационалистов и новый Комитет продолжал дело своего предшественника. 27-го марта Комитет получил письмо из Женевы, адресованное Варлену; в этом письме женеvцы просили парижан прийти на помощь бастующим женеvским строительным рабочим. Комитет тотчас же составил воззвание к французским рабочим и поместил это воззвание в газетах. В Комитет стали поступать пожертвования в пользу женеvских стачечников. Вскоре из Женевы приехал в Париж делегат от стачечников, затем он направился в Лондон просить помощи у английских тред-юнионов. Все эти факты сделались известны полиции и на улице Шапон, в помещении Комитета, а также на квартире у Варлена были произведены обыски и против нового комитета было возбуждено, в свою очередь, судебное расследование.

22-го мая девять членов Комитета были вызваны в суд. Варлен выступил на суде с общей защитительной речью и суд, постановив снова распустить «Международное Товарищество Рабочих, действующее в Париже под именем Парижского отделения», приговорил каждого из обвиняемых к трём месяцам тюремного заключения и к ста франкам штрафа.

Поданная обвиняемыми апелляционная жалоба была оставлена без последствий и все девять членов Комитета 15-го июля были посажены в тюрьму Сент-Пелажи для отбывания своего наказания.

Таким образом, Интернационал перестал существовать легально в Париже; но, тем не менее, его члены могли по-прежнему индивидуально примыкать к нему, так как главное местопребывание этого общества находилось за границей, в Лондоне.

Вскоре, под давлением всё возраставшего всеобщего недовольства среди рабочих, а также под влиянием всё усиливавшейся республиканской оппозиции, здание второй империи начало расшатываться. Наполеоновское правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки. 11-го мая 1868 года был издан закон о печати, дававший некоторую свободу журналистам, которые и не замедлили ей воспользоваться: 30-го мая вышел первый номер газеты Рошфора «Фонарь», влияние которого на общественное мнение было огромно. 2-го июля Делеклюз начал издание своего «Пробуждения». 6-го июня был издан другой закон, разрешавший с известными ограничениями, публичные собрания. Вскоре после этого в Париже стали устраиваться большие митинги, на которых выступали ораторами или вернувшиеся из изгнания деятели революции 1848 года, как, например, Лефрансе, Милльер, Ланглуа, Белэ, или же молодые члены Интернационала, как Шемале, Толен, Мюра, Камелина, Комбо, или, наконец, бланкисты – Жакляр, Курне, Рауль Риго, Ранвье и другие.

Бакунин, после своего выступления в сентябре месяце 1867 года на конгрессе Лиги Мира и Свободы, не вернулся в Италию, а поселился в Швейцарии, около Веве, так как он был избран в члены Центрального Комитета Лиги Мира и Свободы, имевшего своё местопребывание в Швейцарии. Бакунин думал превратить Лигу из учреждения буржуазно-демократического в организацию социалистическую, и вёл

усиленную работу в этом направлении. В начале июля 1868 года он достиг того, что Центральный Комитет Лиги опубликовал декларацию, в которой говорилось, что в числе других необходимых реформ надлежит «изменить коренным образом современную экономическую систему», чтобы достичь «освобождения рабочих классов и уничтожения деления общества на классы». В июле 1868 года Бакунин вступил в члены центральной женевской секции Интернационала. С согласия женевских интернационалистов, и, в частности, старого немецкого эмигранта Беккера и женева Перрона, Бакунин занялся проектом сближения Лиги Мира и Свободы с Интернационалом. По этому поводу он решил, чтобы Центральный Комитет Лиги послал Конгрессу Интернационала в Брюсселе приглашение прислать своих делегатов на конгресс Лиги, который должен был открыться 21-го сентября в Берне. Маркс, узнав обо всём этом, стал бояться за своё влияние в Интернационале, так как он решил, что Бакунин предпринимает всё это для того, чтобы стать во главе Интернационала. Вот почему с этого момента Маркс и предпринял поход против Бакунина (приведший, как увидим ниже, к расколу в Интернационале).

Значительная часть парижских рабочих союзов – обществ сопротивления и синдикальных палат – решила послать своих делегатов на конгресс Интернационала в Брюссель. Секции Интернационала существовали также в некоторых городах Франции – Руане, Лионе, Марселе и в других (эти секции почему-то не преследовались правительством). Они также решили принять участие на Брюссельском конгрессе.

Брюссельский конгресс Интернационала сильно беспокоил Маркса, так как он хотел на этом конгрессе нанести «смертельный удар прудонистским ослам». Маркс беспокоился как бы французы опять не оказались в большинстве и не расстроили бы его планы. Он боялся, что французы поднимут на конгрессе вопрос о том, чтобы перенести Главный Совет из Лондона в Брюссель и тем самым лишат Маркса руководящей роли в Интернационале. Все эти опасения проскальзывают и в письмах Маркса за этот период. Так, в письме от 29-го августа к Энгельсу он радуется, что парижский комитет Интернационала целиком посажен в тюрьму:

«К счастью, пишет Маркс, что наши старые знакомые в Париже теперь находятся под замком. Парижский Комитет пришлёт на конгресс в Брюссель только одного делегата; различные профессиональные группы пришлют восемь или девять».

В письме от 12-го сентября Маркс пишет:

«Конгресс, к счастью, заканчивается завтра, и до четверга (10-ое сентября) дела шли довольно сносно. Толен и другие парижане хотели перенести Главный Совет из Лондона в Брюссель. Лондон не даёт им покоя...».

Париж послал на Брюссельский конгресс 13 делегатов: Толена, от Ассоциации рабочих, изготавливающих весы, Мюра, от Ассоциации механиков, Тейш, от Ассоциации бронзовщиков, Руссель, жестянщик, от Ассоциации жестянщиков, Дюран, ювелир, от Ассоциации ювелиров, Пэнди, столяр, от синдикального союза строительных рабочих, Анзель, гончар, от Союза рабочих гончарного производства, Делакур, переплётчик, от Ассоциации переплётчиков, Готье, шорник, от Ассоциации шорников; Досбург, печатник, от Ассоциации набойщиков материй, Флао, мраморщик, от Ассоциации мраморщиков, Тартаре, столяр-краснодеревец, от Рабочей Комиссии на Всемирной выставке, Анри, механик и председатель Рабочей Комиссии всемирной выставки, был делегирован Ассоциацией водопроводчиков.

Кроме этого, из других городов Франции было послано в Брюссель ещё пять делегатов: Лемонье, портной, от Марсельской секции; Эмэ Гринан, ткач, от Лионской секции, Альбер Ришар, ткач, от Лионской секции и секции в Невиль-на-Сене; Эмиль Обри, литограф, от Руанской секции; Шарль Лонге, литератор, от секций городов Кан и Кондена-Нуаро.

Из Англии на конгресс прибыли семь членов Главного Совета: Люкрафт, Шоу, Коуэл Степней, (англичане); Эккариус и Леснер – (немцы), Дюпон (француз), Юнг, швейцарец; один делегат от Лондонской французской секции, Матенс, и три английских рабочих из Гулля. Германия прислала только четырёх делегатов, к которым нужно прибавить немца Беккера, прибывшего из Женевы. На конгрессе, кроме этих делегатов, было 56 бельгийцев и 7 делегатов из французской части Швейцарии, затем 1 испанец, Марсол Англора, из Барселоны, и, наконец, один итальянец, Саверио Фрисчия, друг Бакунина, прибывший уже к концу конгресса.

Наиболее важным вопросом, обсуждавшимся на Брюссельском конгрессе, был вопрос о земельной собственности. Большинство конгресса высказалось за коллективную земельную собственность и за уничтожение частного права на землю. Однако, благодаря тому что при голосовании резолюции по этому вопросу очень много делегатов воздержалось от голосования, решено было передать вопрос о земельной собственности вновь на рассмотрение секций с тем, чтобы на будущем конгрессе его снова обсудить более детально. По вопросу о машинах делегаты единогласно приняли резолюцию, говорившую, что машины и все орудия труда должны принадлежать рабочим. По вопросу о войне, после чтения доклада, представленного Лонге, конгресс принял следующее постановление:

«Конгресс предлагает рабочим прекратить всякую работу в случае объявления войны своим правительством какому-либо другому государству».

В своём письме к Энгельсу от 16-го сентября, Маркс высмеивает эту резолюцию, называя её «бельгийской глупостью устраивать стачку против войны».

На последнем заседании конгресса Дюпон, член Главного Совета, председатель конгресса, в своей заключительной речи сказал:

«Клерикалы говорят: «смотрите, вот конгресс Интернационала, он объявляет, что не хочет иметь ни правительств, ни армий, ни религии». Говоря о нас так, они говорят правду: мы не хотим больше правительства, потому что правительство душит нас своими налогами; мы не хотим больше иметь армий, потому что эти армии нас расстреливают; мы не хотим больше иметь религий, потому что они гасят наш ум».

Брюссельский конгресс получил приглашение от Лиги Мира и Свободы прислать своих делегатов на конгресс Лиги. В этом приглашении говорилось, что Комитет Лиги «выражает свои глубокие симпатии Интернационалу и шлёт свои горячие пожелания успеха социальной реформы – высокой цели Международного Товарищества Рабочих». В заключении приглашения было сказано: «смелее, друзья, и все вместе мы разрушим все преграды, все предрассудки и несправедливые учреждения, которые воздвигнуты между различными частями социального организма, преграды ненависти, во имя которых до сих пор заставляли один народ набрасываться на другой, вместо того чтобы учить их взаимно уважать друг друга и любить».

Но это приглашение было встречено большинством конгресса Интернационала довольно холодно. Представители Главного Совета, вдохновляемые Марксом, бо-

явшимся конкуренции Лиги и Бакунина, с некоторой грубостью заявили, что Лига Мира и Свободы не имеет причин существовать, раз есть Интернационал; вследствие этого, Брюссельский конгресс, несмотря на протесты меньшинства (де Папа, Перрона, Лонге, Беккера и других), вынес резолюцию, в которой «приглашал это общество (Лигу Мира) присоединиться к Интернационалу, а её членов стать членами интернациональных секций».

Примкнуть к Интернационалу, стать членом секции этой организации – это именно и сделал уже Бакунин и так же решила поступить одна фракция Лиги, возбудившая уже ходатайство о коллективном приёме её в Интернационал, несмотря даже на то, что резолюция Брюссельского конгресса относительно Лиги некоторым образом оказала отрицательное действие своим тоном, рассматривалась Лигой как «оскорбление».

Члены Парижского Комитета Интернационала, заключённые в тюрьме, узнав о поступке большинства Брюссельского конгресса по отношению к Лиге, встали на сторону меньшинства и сочли своим долгом выступить с публичным протестом; они послали Бернскому конгрессу Лиги следующую декларацию:

«Граждане!

Познакомившись с резолюцией Брюссельского конгресса Интернационала относительно Лиги Мира и Свободы, мы, нижеподписавшиеся, члены Международного Товарищества Рабочих, заявляем:

1) Основываясь на принципах Интернационала, делегаты, посланные на конгресс для обсуждения вопросов, стоявших в порядке дня, не имели права выносить резолюцию по вопросу, не стоявшему в порядке дня, без того, чтобы этот вопрос не был предварительно обсуждён в секциях и группах.

2) С точки зрения свободы, к завоеванию которой мы стремимся, ни одна ассоциация не имеет права считать себя единственной выразительницей стремлений своего времени.

Вследствие этого,

Мы признаём полезность существования Лиги Мира и Свободы рядом с Международным Товариществом Рабочих, и думаем, что разнообразие составляющих эти две организации элементов делают невозможным их слияние.

Мы высказываем своё сожаление о том, что Брюссельский конгресс вынес пожелание о роспуске Лиги; это пожелание лежит всецело на совести составлявших резолюцию.

Пользуемся случаем для того, чтобы высказать вам своим симпатии.

Тюрьма Сент-Пелажи, 17 сент. 1868 г.».

Как известно, на конгрессе Лиги Мира и Свободы в Берне во время обсуждения вопроса об отношении к социализму, произошёл раскол. Большинство конгресса, во главе которого стояли Густав Шодэ, Фрибур, Бебель и Ладендорф, отвергли резолюцию, предложенную Бакуниным по этому вопросу. Вследствие этого, меньшинство конгресса, состоявшее из 18 членов, во главе с Бакуниным вышло из Лиги и основало 25-го сентября *Альянс Международной Социалистической Демократии*. Этот Альянс заявил, что он признаёт все положения Интернационала и считает себя его ветвью.

**V. Развитие Интернационала в
1869 г. – Четвёртый конгресс
Интернационала в Базеле (1869г.).**

Члены второго Парижского Комитета, заключённые в тюрьму Сент-Пелажи 15-го июля 1868 года, были выпущены оттуда 15-го октября. Один из них, Бенуа Малон, получив освобождение, уехал в Швейцарию; здесь он познакомился с Бакуниным и стал членом тайного общества, основанного Бакуниным ещё в 1864 году. Это общество носило название «Международного Братства» и в его члены из французов входили Эли и Элизе Реклю, Аристид Рей, Альфред Накэ и другие. Однако Малон пробыл очень недолгое время в этом обществе; оно было распущено в феврале 1869 года вследствие возникших трений между некоторыми членами. Вместо него Бакунин основал новое общество, в которое Малон, братья Реклю, Накэ, а также Перрон, Жуковский и Мрочковский не вошли. Из новых членов в этот союз записались Джеймс Гильом, Швицгемель, Варлен, Шарль Келлер, Робен, Паликс, Сентиньон, Фарга-Пелиссье.

Очаг пропаганды, созданный в Париже на улице Гравилье, в 1865 году, в 1868 году не существовал больше; он был разрушен полицией. Однако, пропаганда социалистических идей, с одной стороны, и рост рабочих организаций, с другой, не остановились, а шли с возрастающей быстротой. Наиболее активные деятели Интернационала в Париже – Варлен, Тейш, Пэнди, Камелина, Мюра и другие, перенесли свою деятельность в среду рабочих союзов и там вели невидную, но в высшей степени плодотворную работу. Пропаганда социалистических идей происходила в Париже, главным образом, на митингах и собраниях, на которых ораторы выступали всё смелее и смелее. Видя это, правительство решило возобновить свои преследования против наиболее популярных и смелых ораторов.

В одном письме из Парижа, напечатанного в женеvской газете «Свобода» в номере от 3-го апреля (присланным, быть может, Варленом) говорится, что идеи социализма и коммунизма очень сильно распространены среди парижских рабочих.

«Восемь месяцев обсуждений и пропаганды на публичных собраниях открыли тот факт, что большинство активных рабочих – коммунисты. Слово *коммунизм* поднимает столько ненависти в лагере консерваторов всех оттенков, что, кажется, мы живём снова накануне Июньских дней. Бонапартисты, орлеанисты, клерикалы и либералы объединяются вместе в трогательном единодушии, чтобы вместе напасть на ненавистных им коммунистов... Большинство ораторов, выступавших на митингах и собраниях (можно сказать, что все те, кто выступал с пропагандой идеей коммунизма), или арестованы, или уже осуждены на тюремное заключение».

Под влиянием пропаганды интернационалистов, рабочее движение быстро развивалось во всех странах и в 1869 году в Швейцарии, Бельгии и Франции вспыхнул целый ряд стачек. Так, в марте-апреле в Женеве, бастовали строительные рабочие, типографы в мае в Лозанне забастовали каменщики; в Бельгии стачки в Серенге и Фрамри окончились кровопролитием. В июне стачечное движение распространилось и во Франции, сначала забастовали углекопы в Сент-Этьене. 17-го июня произошло кровавое столкновение между стачечниками и полицией в Рикамари; в результате этого столкновения было 15 человек убитых и значительное количество раненых.

Эта бойня произвела большое впечатление на рабочие массы и на общество, и вызвала взрыв негодования против императорского правительства. В июле забастовали лионские рабочие сушильщики шёлка; эта стачка закончилась победой рабочих.

5-го сентября 1869 года открылся в Базеле четвёртый конгресс Интернационала. На этот конгресс парижские рабочие союзы прислали 12 делегатов. Кроме того,

тринадцать делегатов были посланы от провинциальных союзов и групп. В числе этих делегатов были все видные деятели Интернационала во Франции – Варлен, Ландрэн, Мюра, Пэнди, Обри, Паликс и другие.

Главным вопросом, обсуждавшимся на Базельском конгрессе, был вопрос о частной собственности на землю; этот вопрос, как мы уже видели выше, обсуждался на предыдущем Брюссельском конгрессе, но был отложен до окончательного разрешения до Базельского конгресса. По этому вопросу конгресс принял (большинством в 54 голоса против 4) резолюцию, в которой говорилось, что «общество имеет право отменить право частной собственности на землю и сделать её коллективной собственностью». Пять парижских делегатов – Варлен, Флао, Франкэн, Дерер, Тартаре, голосовали *за*, четверо – Толен, Пэнди, Шемале и Фрюно, голосовали *против*; шестеро остальных – Ландрэн, Дюран, Руссель, Мюра, Ланглуа и Моллен воздержались.

По вопросу об уничтожении права наследования 32 делегата высказались за предложение комиссии, избранной по этому вопросу, и которая пришла к заключению, что «право наследования должно быть совершенно уничтожено». Двое из парижских делегатов – Варлен и Дерер голосовали *за*, семь – Тартаре, Толен, Пэнди, Шемале, Фрюно, Мюра и Ланглуа голосовали *против*, а шестеро остальных воздержались. По вопросу о праве наследования только девятнадцать голосов высказались за резолюцию, предложенную от имени Главного Совета и составленную заранее ещё Карлом Марксом. Эта резолюция говорила лишь в общих выражениях о необходимых переходных мерах к ограничению права наследования, об увеличении налога на наследство, об ограничении права завещания и т. д. Все парижане голосовали *против* этой резолюции, за исключением четверых (Ландрена, Русселя, Моллена, Флао), которые воздержались.

Вопрос о праве наследования был поставлен в программу Базельского Конгресса по предложению центрального комитета Романской Федерации, в Женеве. Маркс видел в этом интригу Бакунина. В письме от 27-го июля 1869 года Маркс писал Энгельсу:

«Этот русский (Бакунин), это вполне очевидно, хочет стать диктатором европейского рабочего движения. Пусть относятся к нему с осторожностью. Быть может, его придётся официально исключить из Интернационала».

Энгельс, в свою очередь, писал Марксу:

«За всем этим стоит толстый Бакунин, это очевидно. Если этот проклятый (maudit) русский думает, действительно, стать благодаря своим интригам, во главе рабочего движения, нужно не дремать и постараться его обезвредить».

В своём «секретном сообщении» от 28-го марта 1870 года Маркс писал, что если Главный Совет согласился поставить вопрос о праве наследования в порядок дня Базельского конгресса, то это только для того, чтобы «нанести Бакунину решительный удар». Однако, «решительный удар» пал не на того, для кого он предназначался, а на самого Маркса (мы видели, что контр-резолюция Главного Совета, составленная Марксом, собрала только 19 голосов). Можно представить себе всё бешенство Маркса, когда он узнал о результатах. После голосования, Эккариус, который был посвящён в секрет, не удержался, чтобы не воскликнуть:

«Маркс будет очень недоволен!» (Marx wird sehr unzufrieden sein!)

На Базельском конгрессе уже вполне ясно определились две точки зрения на социальное движение, или, вернее, обрисовались два пути, два метода борьбы за социализм, которые впоследствии и образовали два течения в социализме. Особенно эти тенденции ясно проявились при обсуждении вопроса о рабочих союзах. Здесь федералисты и антигосударственники (по большей части французские рабочие, романо-швейцарцы, бельгийцы, испанцы, итальянцы) столкнулись с государственниками, немецкими социал-демократами и англичанами. Однако, не входя в подробное рассмотрение вопроса об организации будущего общества, конгресс единогласно, всеми делегатами без различия их теоретических взглядов, признал необходимость создания рабочих профессиональных союзов и их федерирования и международного объединения при помощи Интернационала.

Базельский конгресс показал Европе, что Интернационал не является просто обществом для теоретического изучения социальных вопросов и академического обсуждения их, но, что эта организация представляет собой боевую организацию, при помощи которой пролетариат хочет достигнуть своего освобождения.

Парижские делегаты, при обсуждении вопроса о месте следующего конгресса, внесли предложение созвать конгресс в Париже.

«Через год, говорили они, империя перестанет существовать, и мы приглашаем Интернационал организовать будущий конгресс в Париже».

Конгресс, принимая это предложение, постановил единогласно, (это был как бы вызов, брошенный Наполеону III), что «будущий конгресс Интернационала будет иметь место в Париже в первый понедельник сентября 1870 года¹⁷».

¹⁷ Первый понедельник сентября 1870 года приходился на 5-ое сентября. По странной случайности империя пала 4-го сентября.

**VI. Последний год второй
Империи. – Парижская
Федерация Интернационала. –
Третий процесс Интернационала
в Париже (май-июль 1870 г.). –
Начало войны 1870 г. – Маркс и
Энгельс. – Бакунин и Варлен.**

Во время Базельского конгресса Варлен вошёл в члены тайной международной организации, задачей которой была подготовка социальной революции, началом которой должно послужить низвержение французской империи. Действительно, события последнего года второй империи приняли новый характер: Коммуна была близка.

Стачечное движение вспыхнуло вновь в конце сентября 1869 года в Рив-де-Жье, а несколько дней спустя в Обэне, где 8-го октября войска стреляли в рабочих углекопов. 10-го октября делегаты двадцати семи парижских рабочих союзов устроили общее собрание для заключения федеративного договора, решив не обращать никакого внимания на полицию и её угрозы. На этом собрании была вынесена следующая резолюция протеста против насилий над стачечниками:

«Мы протестуем против кровавых актов, совершённых против рабочих углекопов в Обэне. Мы заявляем, что невозможно жить при таком социальном порядке, где капитал отвечает на требования рабочих, большей частью справедливые, расстрелами».

В это же время разразилась стачка ткачей в Эльбефе и были организованы несколько стачек в Париже. Все эти стачки послужили случаем для проявления рабочей солидарности. Федеральная Палата рабочих союзов в Париже, (имевшая свой центральный комитет на улице Крлери-дю-Тампль), оказывала энергичное содействие забастовщикам и поддерживала стачечное движение. Рядом с ней действовала другая организация, основанная специально для оказания помощи во время стачек и называвшаяся «Касса пяти сантимов». Эта организация объединяла значительное число парижских рабочих союзов. В письмах Варлена за этот период, прочитанных на суде при третьем процессе Интернационала (июнь 1870 г.) можно видеть, насколько энергично проявляли свою деятельность в это время рабочие профессиональные союзы.

Политическая жизнь Франции в этот период также оживилась. Летом 1869 года в обществе разрасталось недовольство по случаю отсрочки Наполеоном созыва Парламента, избранного ещё в мае. Решено было организовать всеобщую манифестацию протеста на 26-ое октября. Но, депутаты из оппозиции отказались. На 21-ое ноября были назначены дополнительные выборы в Парламент. В эти выборы Рошфор прошёл от Бельвиля. Избрание Рошфора имело некоторое влияние на рост республиканского движения, так как следствием этого избрания явилось возмещение издания левой газеты «*Марсельеза*», которая вскоре сделалась органом рабочих-революционеров.

В нашу задачу не входит перечисление всех событий, которые имели место в последний год существования второй империи. Мы ограничимся лишь указанием главнейших из них, не описывая их подробно. Все интересующиеся этими событиями могут найти все подробности в отчётах о третьем процессе Интернационала, где рассказано и о реорганизации Интернационала в Париже и во Франции, о способах его деятельности и об участии интернационалистов в борьбе против императорского режима.

Необходимо заметить, что именно с этого момента началась, со стороны некоторых лиц – Маркса и Энгельса в том числе и их сподвижников, – подпольная компания интриг и клеветы, имевшая целью утвердить их господство в Интернационале, из-

бавившись, для этой цели, всеми доступными способами, от тех лиц, которых они считали своими противниками или соперниками и которые внушали им страх своим независимым духом и революционной смелостью. На самом деле, мишенью для всех этих клеветников служили – вещь неправдоподобная, но тем не менее, истинная, – те деятели-революционеры, которые выступали наиболее активно в различных странах – в Испании, Италии, Швейцарии, Франции – против империи. В своём секретном циркуляре, под названием «частное сообщение», разосланном 1-го января 1870 года всем секциям Интернационала, Карл Маркс и его сообщники указывали как на врагов на лиц, составлявших редакцию газеты «Равенство» в Женеве, на сотрудников парижской газеты «Труд» и локльской газеты «Прогресс». В одном из своих писем, посланных специально в Брюссель, Маркс обвинял Бакунина в том, что он хочет дезорганизовать Интернационал, хотя Маркс и знал, что в это время Бакунин жил мирной жизнью в глухом итальянском городке Локарно, где он занимался – странное совпадение, – переводом на русский язык большого сочинения своего клеветника – «Капитала».

Бельгийский Комитет Интернационала, получив письмо Маркса с нападками на Бакунина, был возмущён и один из членов этого Комитета, Эжень Гинс, написал Марксу об этом письмо¹⁸. Но, конечно, Маркс оставил это письмо без внимания. В январе 1870 года, благодаря местным интригам в Женеве, газета *Равенство*, орган Романской федерации Интернационала, попала в руки одного русского еврея, Николая Утина, который сделал из этой газеты свой личный орган. Он тотчас же предоставил страницы «Равенства» к услугам Маркса и стал его верным агентом в Швейцарии. В феврале месяце Бакунин, по настоянию молодого революционера Нечаева, прервал перевод «Капитала» для того, чтобы посвятить своё время непосредственно русским революционным делам¹⁹. Маркс, со своей стороны, продолжал своё дело клеветы и ненависти, и послал в Германию новое «Частное сообщение» (28 марта 1870 г.), направленное против Бакунина. В это же время на конгрессе Федерации Романской Швейцарии в Шо-де-Фоне агент Маркса Утин провоцировал раскол, следствием которого было распадение Романской Федерации на две части. Этот раскол имел очень серьёзные последствия для всего Интернационала. Часть романской Федерации пошла за Утиным и образовала свой Комитет в Женеве, печатным органом которого стала газета «Равенство», редактируемая Утиным. Другая часть швейцарских секций, главным образом, секций из Юрских гор, объединилась в свою Федерацию и новый Федеральный комитет стал издавать газету «Солидарность» (в Невшателе)

¹⁸ Гинс писал мне об этом инциденте в письме от 12 июня 1914 года следующее: «Карла Маркс написал нас (в январе 1870 года) письмо наполненное пошлой клеветой на Бакунина; я, подумал, что если нельзя официально сделать Марксу порицание, то, всё-таки необходимо указать ему на низость его поступков хотя бы частным образом; вследствие этого я написал Марксу лично от себя письмо, в котором указывал, что все клеветы, приводимые Марксом в письме, недостойны его и принижают его самого. Он мне ответил грубой руганью». – В письме к Энгельсу от 12-го февраля 1870 года. Маркс упоминает об этом письме Гинсу и говорит: «я намылил голову этому наглецу так как он этого заслуживал».

¹⁹ Вместе с Огарёвым и Герценом (сыном) – Бакунин, после смерти Герцена (отца) в январе 1870 года стал продолжать издание *Колокола*. В это же время он опубликовал свою брошюру «*Бернские медведи и Петербургский медведь*».

Говоря об этих событиях, мы должны сказать, что все тайные происки марксистов стали известны гораздо позднее, в самый же момент описанных событий почти никто не знал тайных пружин, благодаря которым происходило то или иное событие; только немногие лица, как с той, так и с другой стороны, были посвящены в закулисную сторону дела. Таким образом, к счастью, эти интриги имели никакого влияния на развитие Интернационала во Франции в 1870 году. Однако об этих интригах необходимо упомянуть, так как это необходимо для того, чтобы понять многое из того, о чём говорится в судебном отчёте о третьем процессе Интернационала; знание всех этих интриг поможет также понять всё значение некоторых фактов, как, например, пересмотр третьего параграфа французского текста Введения к общему уставу Интернационала и изменение редакции этого параграфа в новом издании Устава, вышедшем в Париже в марте 1870 года²⁰.

27-го декабря 1869 года Наполеон III получил известному в то время либералу Эмилю Оливье составить кабинет. 2-го января 1870 года кабинет Оливье стал у власти и открыл эру «либерального» режима. Однако, этот режим был недолговечен. 10-го января двоюродный брат императора Наполеона III, принц Пьер Бонапарт, убил сотрудника левой газеты *«Марсельеза»*, Виктора Нуара. Похороны Нуара (12 января) превратились в грандиозную антиправительственную манифестацию. 19-го января вспыхнула большая стачка в Крезе. 7-го февраля был арестован Рошфор, в 7-8 февраля была сделана попытка народного восстания в рабочем парижском квартале Бельвиль. 11-го февраля был убит один полицейский чиновник. Положение в Париже делалось тревожным; рабочие массы начинали волноваться. 11-го февраля группа интернационалистов, в числе которых были Комбо, Жоаннар, Ландрэн, Малон и Пэнди, опубликовали воззвание, в котором они обращались ко всем социалистам «не губить дело революции преждевременными вспышками». «Нам кажется, говорилось в воззвании, что момент для решительного выступления ещё не настал. Революция быстро приближается; не будет преграждать ей путь своим нетерпением, которое хотя и вполне законно и понятно, но которое может принести печальные результаты... Каждый новый час уменьшаем силы деспотизма и увеличивает наши... Удвоим нашу пропаганду и, в особенности, будет усиливать нашу организацию».

В феврале правительство произвело многочисленные аресты, Варлен был также арестован, но после четырнадцатидневного заключения был выпущен на свободу. Как только он очутился на свободе, он тотчас же приступил к организации федерации

²⁰ Пересмотр и проверка текста устава Интернационала была поручена Полю Робену. По предложению Лафарга, (который в апреле 1868 года женился на дочери Маркса, Лауре, и поселился в Париже), Робен изменил последние слова третьего пункта введения. Французский перевод этого пункта, сделанный в 1865 году и принятый на женевском конгрессе в 1866 году был сделан в такой редакции: «Экономическое освобождение рабочих есть та великая цель, которой должно быть подчинено всякое движение политическое». Английский текст несколько разнился и был напечатан в такой редакции: «the great end to which every political movement ought to be subordinated as a means». По предложению Лафарга, Робен перевёл этот пункт дословно таким образом: «Экономическое освобождение трудящихся классов есть та великая цель, которой всякое движение политическое должно быть подчинено как простое средство». Мы не придали никакого значения этому изменению, которое вскоре было принято во всех странах, говорящих по-французски. Но, Маркс, как мы увидим позднее, вывел из этого заключения, совершенно не подозреваемое нами, что избирательная и парламентская борьба были обязательны для членов Интернационала.

парижских секций Интернационала, которых уже насчитывалось в то время тринадцать. 7-го марта состоялось собрание делегатов этих секций; на этом собрании была избрана комиссия для выработки устава федерации. 13-го марта Варлен был в Лионе, где председательствовал на большом митинге, на котором были делегаты из Марселя, Дижона, Руана и из юрской Швейцарии. На этом собрании был прочитан Манифест бельгийских интернационалистов к французским рабочим (составленный Сезаром де Папом). В этом манифесте, между прочим, говорилось:

«Существование политического Государства не имеет больше своего оправдания; искусственный механизм, называемый правительством, должен быть заменён экономической организацией. Политика должна раствориться в социализме».

На устроенном после митинга более тесном собрании швейцарский делегат Швицгебель прочитал письмо Бакунина, в котором этот последний писал:

«Основа организации пролетарских сил уже дана самой жизнью – это мастерская и федерация мастерских, создание стачечных касс, как орудие борьбы с буржуазией, и федерирование этих касс не только в национальном масштабе, но и в международном. Когда наступит час революции, вы должны провозгласить уничтожение государства и буржуазного строя, ... и взамен их провозгласить истинную народную революцию, анархию в политической и юридической области, и новую экономическую организацию, построенную снизу вверх, от периферии к центру²¹».

21-го марта появилось письмо Наполеона III к министру Эмилю Оливье по поводу того, что в скором времени во Франции будет произведён плебисцит по вопросу о новом направлении бонапартистской политики. 23-го марта разразилась вторая стачка в Крезе. 27-го марта принц Пьер Бонапарт, убийца Виктора Нуара, был оправдан судом. 18-го апреля парижская Федерация Интернационала основалась окончательно и по этому случаю было устроено большое собрание под председательством Варлена и при участии Робена и Авриала. Открывая собрание, Варлен сказал:

«Мы должны довольствоваться самим собой, мы должны создать своё собственное полное мирозерцание и вести борьбу против существующего юридического, экономического, политического и религиозного порядка».

Парижская Федерация Интернационала поместилась на улице Кордери-дю-Тампл, где уже помещалась и Федеральная Палата рабочих союзов. На этом же собрании 18-го апреля была избрана особая комиссия из 12-ти членов, (в число которых вошли Авриаль, Комбо, Лафарг и Робен), которой было поручено составить манифест против предполагаемого правительством плебисцита. Этот манифест был вскоре составлен и издан. В нём, между прочим, говорилось:

«Рабочие! если вы хотите учредить демократическую и социальную республику, то лучшим средством для этого будет – воздержание от плебисцита... Воздержание от голосования будет служить знаком протеста, которого Наполеон боится больше всего».

Плебисцит был назначен с 20 апреля по 8-го мая.

Пропаганда социалистических идей продолжалась, между тем, самым энергичным образом. Газета «Солидарность», издававшаяся в Невшателе писала в номере от 30-го апреля:

²¹ L'Internationale, par James Guillaume, tome 1, стр 284-285. (французское издание)

«Франция вскоре будет покрыта густой сетью секций Интернационала. Стачки в Крезе и Фуршамбо сделали идеи социализма весьма популярными в центральных областях Франции» ...

Либеральное правительство Эмиля Оливье, однако, зорко следило за развитием Интернационала во Франции и когда нашло, что движение перерастает те рамки, в которых правительству желательно было его видеть оно решило открыть с Интернационалом борьбу. 30-го апреля Эмиль Оливье отдал приказ о производстве ареста «всех лиц, которые управляют Интернационалом». Всем этим лицам ставилось в вину двойное преступление; участие в заговоре против империи и участие в недозволенном тайном обществе. В этот же день парижская полиция спешно производила аресты направо и налево и, в числе более или менее известных деятелей Интернационала, хватала лиц совершенно непричастных движению или не игравших в нём никакой роли. 30-го апреля были арестованы в числе других – Авриаль, Г. Касс, Колло, Франкэн, Дюгоки, Флао, Гелигон, Жоаннар, Ландек, Малон, Мюра, Пэнди, Тейш, Роше. (Варлен, который был в этот день в Шалоне, успел скрыться в Бельгию). В Лионе были арестованы Альбер Ришар, Г. Блан, Шоль, Дублэ, Паликс; в Марселе – Бастелика случайно смог скрыться от разыскивающей его полиции. В последующие дни были арестованы Асси в Крезе, Обри в Руане, Комбо в Марселе, Люпэн в Сент-Этьене, Бовуар и Дюмартре в Лионе, Ледоре в Бресте, Алерини в Каннах и т. д.

Против этих арестов Парижский Федеральный Совет Интернационала издал манифест протеста, составленный Полем Робеном 2 мая и подписанный 31 членом. Манифест был напечатан в «Марсельезе» 5-го мая. В этом манифесте говорилось, что Интернационал не составлял никакого заговора против Империи, так как:

«Международное Товарищество Рабочих является организацией всех обездоленных и всех эксплуатируемых, и оно будет существовать, несмотря на все преследования и аресты так называемых вожakov, до тех пор, пока не исчезнут на свете все эксплуататоры, капиталисты, попы и политические авантюристы».

Плебисцит дал Империи (8-го мая) немного больше семи миллионов голосов за при полуторах миллионов *против*; воздержавшихся было около полумиллиона. В мае месяце правительство назначило судебное следствие по делу некоторых арестованных членов Интернационала, обвиняя их в участии в тайном обществе.

В конце мая месяца была закрыта на два месяца газета «Марсельеза». Деятели Парижской Федерации Интернационала лишившись возможности печатать свои статьи, решили создать свой собственный печатный орган, но так как об издании рабочей левой газеты в Париже нечего было и думать, то решено было обратиться в Невшаталь, к Джеймсу Гильому, имевшему свою небольшую типографию и печатавшему уже газету «Солидарность», орган Романской Федерации Интернационала. Гильом согласился быть полезным своим парижским собратьям и Поль Робен, выбранный редактором нового органа, в начале июня послал в Невшаталь весь материал для первого номера. Газета должна была называться «Социалист», – орган Парижской Федерации Интернационала. Первый номер вышел 11-го июня.

«Социалист» стал печататься в количестве 5-6 тысяч экземпляров. Часть экземпляров рассылалась из Швейцарии под бандеролью на частные адреса, а остальные экземпляры были посланы багажом по железной дороге на адрес Мангольда в Гран-Монруж. Но, как только тук с газетами прибыл в Париж, то немедленно он был

арестован и препровождён в полицию. После этого решено было прекратить издание газеты.

22-го июня состоялся суд над 38 членами парижских секций Интернационала. На суд явилось только 31 человек. После долгих допросов и обсуждений, суд вынес окончательный приговор только 8-го июля. Согласно этому приговору семь обвиняемых – Варлен (скрывшийся в Бельгию), Малон, Мюра, Жоаннар, Пэнди, Комбо и Гелигон признаны виновными в том, что они состояли членами тайного сообщества и были приговорены к годичному тюремному заключению; 27 других обвиняемых были признаны виновными в том, что они состояли членами неразрешённого правительством общества и были приговорены к тюремному заключению на срок в два месяца каждый. «Общая» (!) Ассоциация была объявлена распущенной в Париже и в департаменте Сены.

На следующий день после объявления приговора, члены статистической Комиссии, избранной парижским федеральным Советом – Поль Робен, Анри, Бахруш, Мангольд, Ланжевен и Ш. Келлер – обратились к парижским рабочим с циркуляром, в котором говорилось: «теперь, после *легального закрытия* Интернационала, мы будем продолжать его дело от нашего личного имени впредь до того момента, когда явится снова возможность отдать отчёт тем, кто нас избрал».

По поводу этого процесса Маркс ничего не нашёл сказать, кроме нижеследующих строк в письме к Энгельсу от 8-го июля:

«Я тебе пошлю завтра французские газеты и отчёты о судебном процессе. Франкель²² заслуживает похвалы. Ты увидишь, как в речах обвиняемых, так и в газетных статьях, стремление приписать французам инициативу основания Интернационала²³».

Кандидатура принца Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол вызвала неожиданно войну между Германией и Францией. Видя надвигающуюся грозу, парижский Интернационал поднял тревогу. Был выработан текст манифеста к немецким рабочим²⁴; этот манифест был напечатан в парижской газете «*Пробуждение*» в номере от 12-го июля; в этом манифесте говорилось:

«Немецкие братья! Во имя мира, не слушайте подкупленных или рабских голосов, обманывающих вас о настоящем положении дел во Франции. Будьте глухи ко всем недостойным провокациям, потому что война между нами будет братоубийственной войной. Будьте спокойны, насколько это возможно без ущерба для достоинства храброго и сильного народа. Помните, что наше разделение приведёт к торжеству деспотизма на обоих берегах Рейна».

Война была объявлена 15-го июля, однако военные действия начались только 26-го.

Интересно знать, что думал Карл Маркс в этот момент, когда началась грандиозная дуэль народов, приведшая к разгрому Франции, к капитуляции Парижа и к

²² Франкель – немецко-венгерский еврей, примыкавший к марксистской секте.

²³ В этом отношении французы несколько не преувеличивали свою роль в деле основания Интернационала.

²⁴ Среди подписавших этот манифест лиц были Толен, Мюра, Авриаль, Пэнди, Тейш, Камелина, Шовьер, Ланжевен, Эжень Готье, Ландрэн, Ш. Келлер, Малон, Комбо, Люсипия, Жюль Жоффэн Шосс.

присоединению к Германии Эльзаса и Лотарингии. Письмо от 23-го июля к Энгельсу даёт нам некоторый ответ на этот вопрос. Вот что писал Маркс:

«Я посылаю тебе «Пробуждение»; ты в нём найдёшь статью старика Делеклюза; – от неё пахнет настоящим чистым шовинизмом. Франция единственная идейная страна, пишет этот шовинист-республиканец... Французы заслуживают того, чтобы быть побитыми (Die Franzosen brauchen Prügel). Если пруссаки восторжествуют и победят, то централизация государственной власти будет полезна и вызовет централизацию немецкого рабочего класса. Победа Германии, кроме того, перенесёт центр тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию; достаточно сравнить рабочее движение в обоих странах с 1866 года до настоящего момента, чтобы увидеть, что немецкий рабочий класс превосходит французский как с точки зрения теории, так и с точки зрения организации. Перевес на мировой арене немецкого пролетариата над французским будет в то же время и перевесом наших теорий над теорией Прудона».

Таким образом, победа своей личной теории и поражение доктрины Прудона – таков выигрыш победы немцев над французами, в глазах человека, которого столько слепых ещё и теперь считают основателем Интернационала.

Тотчас же после объявления войны, Главный Совет Интернационала в Лондоне поручил Марксу написать манифест по поводу войны. В этом манифесте Маркс также не мог удержаться от того, чтобы не сказать несколько слов в защиту немцев. «Со стороны немцев, говорит он, эта война является войной оборонительной; ... но если немецкий рабочий класс допустит, что настоящая война утратит свой оборонительный характер и выродится в войну против французского народа, то победа или поражение будут одинаково губительны²⁵».

Французские интернационалисты и все социалисты по отношению к войне заняли такую позицию: они стали спешно готовить низвержение наполеоновской империи и хотели вместо неё установить социальную республику. Эта республика должна предложить немедленно Германии мир. Если же Германия откажется заключить мир, то республика должна объявить немецкому правительству, – но не немецкому народу – революционную войну, рассчитывая в этом случае встретить сильную поддержку в немецких социалистах (печальная иллюзия!!)

Парижская Федерация Интернационала опубликовала «Воззвание к рабочим всего мира»; в этом воззвании говорилось:

«При виде братоубийственной войны, которая объявлена к удовлетворению нашего общего врага, и, в жертву которой уже привнесены тысячи наших братьев, при виде нищеты, слёз и угрожающего голода...

Мы протестуем во имя братства народов против войны и её зачинщиков, и мы приглашаем всех друзей труда и мира к..., чтобы обеспечить таким образом свободу.

²⁵ В этих словах Маркс намекает, что если победит Франция, то Германия будет раздавлена и принижена, и чтобы избежать этого она должна будет заключить союз с Россией и совместно с ней разбить Францию, но, в этом случае, Маркс боялся, что Германия попадает под власть России, что ему казалось ужасным. Так, что и победа, и поражение Германии будут одинаково опасны.

Да здравствуют народу! Долой тиранов!²⁶»

8-го августа интернационалисты в Марселе в согласии с несколькими республиканцами сделали попытку вооружённого восстания и захватили городскую думу. Однако, движение немедленно было подавлено, и его участники были преданы военному суду. В Париже был организован революционный комитет, который решил 9-го августа, день открытия парламента, захватить вооружённой силой Бурбонский дворец и провозгласить республику. Но, за несколько часов до назначенного момента выступления полиция арестовала Пэнди, который был избран главным начальником революционных сил. 14-го августа бланкисты сделали попытку восстания в квартале Виллет, но эта попытка окончилась также неудачей. Наблюдая за всем происходившим во Франции, Варлен (находившийся в это время в Бельгии) писал:

«Что станет с Интернационалом среди этого двойного течения шовинизма, который захватил обе нации; и которые, кажется, разрушат друг друга самым ужасным образом? Я должен вам сознаться, что я глубоко страдаю, воображая, как разорены наши провинции, хотя, с другой стороны, я и сознаю, что наши крестьяне заслужили отчасти всё это, так как именно они поддерживали своим идиотским голосованием всё здание империи. Но, я, тем не менее, не ожидаю ничего хорошего от победы прусского милитаризма. Но, в то же время, до тех пор, пока императорское правительство будет давить Францию, республиканско-социалистическая партия должна протестовать против опустошительной политики, на путь которой империя увлекает нашу нацию. – Почему парижский народ при первых раскатах войны не разрушил империю и не поставил перед лицом прусского короля революционную Францию? В этом случае, если бы и пришлось вести войну, то было бы хотя из-за чего²⁷».

Со своей стороны, Бакунин писал из Локарно 11-го августа своему старому другу Огарёву:

«Ты только русский, тогда как я интернационалист. События, происходящие сейчас в Европе, бросают меня в жар... Я составил целый план действия... Озеров тебе обо всём расскажет, или, что будет ещё лучше, он тебе прочтёт моё *письмо к французам*».

23-го августа Бакунин писал лионским интернационалистам:

«Если французский народ не поднимется весь, целиком, пруссаки возьмут Париж... Необходимо, чтобы повсюду народ брался за оружие и организовался бы *самостоятельно* чтобы начать борьбу против немецкого нашествия, начать разрушительную войну, войну народную... Патриотическое движение 1792 года не должно и сравниться с тем, что вы должны сделать теперь; если вы хотите спасти Францию от полувекового рабства, от нищеты и разорения, от нашествия и уничтожения, то поднимайтесь друзья, с пением Марсельезы, которая делается отныне боевым гимном Франции, песнью свободы, песнью человечества, ибо теперь судьба Франции становится судьбой всего человечества. *Проявляя патриотизм, мы спасём мировую свободу*... Если через десять дней во Франции не будет народного восстания, Франция погибла. О, если бы я был молод, я не писал бы тогда письма, я был бы среди вас!»

Со своей стороны, Энгельс писал Марксу 31-го июля:

²⁶ Мы приводим эту цитату так, как она была напечатана в газете «Солидарность». По цензурным условиям не допускались прямые призывы к ниспровержению монархии и поэтому авторы манифеста вынуждены были заменить некоторые свои выражения многоточиями.

²⁷ Письмо было перепечатано в журнале La Vie Ouvrière в № от 5 мая 1914 г.

«Моя уверенность в военной мощи Германии растёт с каждым днём. Мы выиграли первую серьёзную битву».

В письме 15-го августа он говорит:

«Было бы абсурдным делать из антибисмаркизма наш единственный боевой лозунг. Бисмарк в данный момент, как и в 1866 году, работает для нас, правда, по-своему; это, конечно, он делает, не сознавая, но тем не менее, он, всё-таки, делает... Требовать, как Либкнехт, чтобы вернуться назад и уничтожить всё, что сделано с 1866 года – это глупость».

На эти письма Маркса отвечает письмом от 17-го августа, в котором говорит:

«Твоё письмо точно совпадает с моим планом ответа Брауншвейгскому Комитету, который у меня складывается в голове²⁸. Я не хотел писать об этом важном деле, прежде, чем не посоветуюсь с тобой, – ибо вопрос идёт о том, чтобы *дать инструкции и указания о том, как должны поступать и действовать немецкие рабочие...* Война стала национальной: следовательно теперь не время, когда декларация принципов может считаться актом мужества, как это было в момент выступления Либкнехта и Бебеля в Рейхстаге... Кугельман считает, что при оборонительной войне военные действия должны носить также оборонительный характер. По его мнению, когда кто-нибудь нападает на меня на улице, я имею право лишь отражать удары, нападающего; если же я, чтобы защитить себя, сам нанесу ему удар, от которого он свалится с ног, то, в этом случае, по мнению Кугельмана, я уже становлюсь нападающим. Видно, что все эти люди очень плохо разбираются в диалектике²⁹».

При Седане Наполеон III со своей армией был захвачен в плен и 4-го сентября Вторая Империя «исчезла под своим обломками, среди проклятий, несшихся со всех сторон».

Вечером 4-го сентября делегаты парижского Интернационала и федеральной Палаты рабочих союзов, на своём совместном заседании составили «Воззвание к немецкому народу», которое было опубликовано на следующий день по-немецки и по-французски. Вот это воззвание:

«Человек вызвавший эту братоубийственную войну, и который находится теперь в твоих руках, не существует больше для нас. Республиканская Франция приглашает тебя, во имя справедливости, прекратить войну; если же ты не захочешь сделать это, то нам придётся биться до последнего человека и пролить море твоей и нашей крови.

Мы повторяем тебе теперь те слова, какие мы говорили в 1792 году европейской коалиции: *французский народ не будет заключать мир ни с одним врагом, который занимает его территорию...*

Удались за Рейн.

²⁸ Центральный Комитет социал-демократической партии в Брауншвейге писал Марксу по поводу войны и спрашивал у него как он смотрит на события, в то же время прося его дать директивы поведения для партии. Маркс ответил на это длинным письмом, в котором повторял те же мысли, какие были высказаны им в письмах к Энгельсу, цитированных нами выше. Дальше мы увидим, как поступил Брауншвейгский Комитет с ответом Маркса и какой гнев вызвал этот факт у самого Маркса.

²⁹ Таким образом, Маркс теперь думает, что дальнейшее нашествие немцев во Францию является мерой оборонительной. Кугельман рискнул заявить, что немцы в этом случае совершают ошибку, за что и получил от Маркса наставление, что он ничего не понимает в гегелевско-марксистской диалектике!

На берегах этой реки, на обладание которой предъявляют свои права и Германия, и Франция, потянет друг другу руки. Забудем все преступления войны, какие заставили нас совершить наши деспоты...

Нашим союзом положим начало Европейским Соединённым Штатами.

Да здравствует всемирная республика!

От имени рабочих союзов и французских секций Интернационала.

Шарль Беле, Брион, Бахруш, Камелина, Шассен, Шемале, Дюпа, Эрве, Ландек, Левердэй, Лонге, Маршан, Перрашон, Толен, Вальян».

Центральный Комитет немецкой социал-демократической партии, в Брауншвейге, опубликовал, со своей стороны (5-го сентября) манифест, приветствовавший падение Второй Империи и требовавший заключения мира:

«После двадцатилетнего постыдного существования второй империи, говорилось в манифесте, французский народ восстал и взял в свои руки управление своей судьбой... Привет Французской Республике!.. Долгом немецкого народа является теперь заключение почётно мира с французской республикой. Немецкие рабочие должны заявить, что в интересах Франции и Германии, они решили не допускать более нанесения оскорблений французскому народу, после того, как он освободился навсегда от гадины, нарушившей мир... Поклянемся вести борьбу и вместе работать со всеми нашими братьями рабочими всех стран за общее дело пролетариата... Поднимем свой голос, возвещающий, если не для сегодня, то для ближайшего будущего, зарю свободы для Германии³⁰».

Брауншвейгский Комитет счёл своим долгом воспроизвести в манифесте значительную часть письма, которое он получил от Маркса. На второй странице этого манифеста мы читаем:

«Один из числа наших наиболее уважаемых и старых друзей и сотрудников из Лондона нам пишет: «присоединение Эльзаса и Лотарингии будет для Германии причиной разорения, поводом сделать войну... потому что Франция пойдёт на союз с Россией, чтобы объявить новую войну Германии». Следовательно, мы должны протестовать против присоединения, от имени социал-демократической партии... «Настоящая война, продолжает наш друг, открывает собой новую эру в истории народов: она доказала, что даже и без Австрии, Германия вполне способна вести дело своего развития... Великая задача уже сделана, и если рабочий немецкий класс не сумеет теперь стать на то место, которое предназначает ему история, это будет ошибка всецело его самого. *Настоящая война перенесла из Франции в Германию центр тяжести континентального рабочего движения*».

³⁰ 5-го сентября в приложении к газете *Солидарность*, издававшейся в Невшателе, был напечатан манифест, составленный почти в тех же самых выражениях. В этом манифесте мы читаем: «Республика провозглашена, французский народ стал снова хозяином своих судеб... Во всех странах будем объединяться, вооружаться и дружно пойдём, волонтёры свободы и равенства, биться рядом с нашими французскими братьями... Немецкие интернационалисты, ваша священная обязанность – протянуть вашу руку французским братьям и помочь им раздавить общего врага... Восходит заря нового дня, дня справедливости, которая поднимается над человечеством. Да здравствует всемирная социальная революция!» Швейцарское правительство наложило арест на этот манифест, – который был перепечатан многими французскими газетами и расклеен во многих городах Франции – газета *Солидарность* была закрыта.

Генерал Фогель фон Фалькенштейн, губернатор области, немедленно отдал приказ об аресте всех подписавших вышеназванный манифест – Бракке, Бонгорста, Спира, Кюна, Граля и других и препроводил их в крепость Буайен.

Каково же было отношение Маркса и Энгельса к этим двум революционным актам французских и немецких социалистов?

6-го сентября Маркс писал Энгельсу:

«Я только что стал писать тебе это письмо, как ко мне пришёл Серайе³¹ и сказал, что завтра он уезжает в Париж, где пробудет несколько дней. Цель его путешествия является установление согласования действий Главного Совета с Федеральным Парижским Советом... Я получил сегодня от этого федерального совета воззвание к немецкому народу (я его пришлю тебе завтра) с просьбой, чтобы Главный Совет составил от себя специальный манифест к немцам. Я уже обдумал и сегодня вечером попробую написать... В воскресенье Лонге мне телеграфировал о провозглашении республики. Я получил его телеграмму в четыре часа утра (в понедельник). Из Брауншвейга мне ответили, что будут поступать во всём согласно моим указаниям».

Энгельс на другой день ответил Марксу следующим письмом:

«Прокламация парижского Интернационала, если телеграф резюмировал её правильно, доказывает, что парижане находятся всецело во власти слов. Эти лица переносили режим Баденгэ³² в течение двадцати лет; только шесть месяцев тому назад они не могли помешать ему собрать шесть миллионов голосов против полутора миллиона и не могли помешать ему объявить без всякой причины войну Германии, – и вот эти люди в настоящий момент хотят, чтобы немцы, – которые своими победами принесли им *в подарок* Республику (и какую!) – немедленно бы очистили священную французскую землю, угрожая в противном случае *войной до победного конца!* Всё это говорит в них старая закваска: чувство превосходства Франции, неприкосновенность территории в границах, установленных в 1793 году. Эту закваску не могли вытравить у французов все их свинства, совершённые с тех пор и для них слово Республика сохраняет по-прежнему свою святость... Я надеюсь, что эти люди придут в здравый рассудок после того, как пройдет первый угар, без этого же будет очень трудно продолжать с ними поддерживать интернациональную связь...

Дюпон³³ уехал отсюда. Он приходил проститься со мной сегодня вечером и был в бешенстве, прочитав содержание парижской прокламации. Но, он успокоился немного, когда узнал, что Серайе едет в Париж, предварительно переговорив с тобой. Его мнения о положении вполне ясны и правильны: нужно воспользоваться свободой, даваемо Республикой, чтобы организовать социалистическую партию во Франции... до этого момента Интернационал должен не вмешиваться в войну... так как посылать рабочих на войну теперь было бы похоже на стратегию Бонапарта и Мак-Магона. До заключения мира французские интернационалисты не могут ничего делать, каковы бы ни были обстоятельства; после же заключения мира им нужно прежде всего сорганизоваться».

³¹ Рабочий-сапожник из Марселя, живший в Лондоне и бывший членом Главного Совета, сторонник Маркса.

³² Прозвище Наполеона III.

³³ Рабочий Дюпон жил в Манчестере, где жил в это время Энгельс.

Энгельс и Маркс не удовлетворялись, однако, только простым выражением пожелания в своих частных письмах, чтобы французский пролетариат «воздерживался от действия до того момента, когда будет заключён мир», – наоборот, они злоупотребляли той властью, которой они пользовались и послали от имени Главного Совета Интернационала французским рабочим официальные инструкции по этому поводу. Вот что писал Дюпон 6-го сентября секретарю лионской секции, Альберу Ришару:

«Мой дорогой Ришар! Жалкий конец Наполеона III привёл к власти Фавра и Гамбетту. Ничего, в сущности, не изменилось. Власть по-прежнему в руках буржуазии. В этих обстоятельствах задача рабочих заключается в том, чтобы оставить *буржуазную сволочь заключить мир с пруссаками* (в этом случае вся ответственность будет лежать на буржуазии); рабочие не должны пугать буржуазию своими волнениями, а воспользоваться существующей свободой, чтобы укрепить свои организации и сконцентрировать все силы рабочего класса. Буржуазия, которая в данный момент обезумела от своего торжества, не заметит сразу прогресс организации до того момента, когда рабочие будут, действительно, готовы к решительной борьбе... Употребив всю свою власть, данную тебе Главным Советом, чтобы достигнуть этой цели».

Во втором манифесте, изданном от имени Главного Совета, 9-го сентября, Маркс говорит:

«Французским рабочим не следует увлекаться воспоминаниями 1792 года, подобно французским крестьянам, которые дали себя одурачить, хранив в себе воспоминание о первой империи. Французские рабочие должны не повторять прошлого, но творить будущее».

Таким образом, эти господа, которые обыкновенно советовали рабочим участвовать в политическом движении, находили нужным в момент, когда немецкие армии наводняли Францию, приказывать французским рабочим, *от имени Главного Совета Интернационала*, относиться хладнокровно к войне, выбросить из своей головы воспоминание о 1792 годе и оставить буржуазию заключить позорный мир с Прусским королём под тем предлогом, что в этом случае «позор» всецело ляжет на «буржуазную сволочь». Маркс требовал, чтобы французские рабочие в особенности не делали в этот момент «волнений», так как революционное движение «укрепит» буржуазное правительство! Не ясно ли из всего этого, что Маркс и Энгельс, советуя французским рабочим «спокойствие» и «выдержку», призывая их «не повторять прошлого» и не делать того, что делали их деды в 1792 году (то есть бить пруссаков), играли в руку Бисмарка и хотели, чтобы Бисмарк закончил своё дело взятием Парижа, не встретив на этом пути противодействия со стороны французского пролетариата?

10 сентября Маркс снова писал Энгельсу:

«Я посылаю тебе в этом письме два глупых произведения, присланные мне с двух противоположных сторон – из Брауншвейга и Парижа.

Ты знаешь, что я хотел послать в Брауншвейг инструкции. Я думал, что имею дело с взрослыми людьми, а не с детьми, которые не понимают, что не всё можно предавать гласности, что им сообщают. Кажется, само собой понятно, что в инструкции необходимо говорить ясно и определённо и что некоторые советы нельзя разбалтывать направо и налево.

Однако, всё это было неизвестно членам Брауншвейгского Комитета, и они, получив моё письмо, не только дословно напечатали его в своём манифесте, но ещё

так ясно указали кто автор цитируемых слов, что всякий сразу поймет, что это моё письмо. Они. привели мои выражения о том, что война перенесла центр тяжести рабочего движения из Франции в Германию и прочее; но, как. они не понимают, что эта фраза сказана только для них, а не для того, чтобы оповестить об этом весь свет. Я должен ещё благодарить их за то, что они, по крайней мере, не напечатали мою критику французских рабочих...

Я им намылю голову, но это мало поможет, – глупость уже сделана.

С другой стороны, – парижские дурачки! (die dummen Kerle in Paris) Они мне прислали целую пачку своего глупого манифеста, который вызывает здесь, среди английских рабочих, смех и ругань... И эти глупцы осмелились ещё прислать мне по телеграфу свои указания, как я должен вести пропаганду среди немцев!»

В ответ на эти письма, Энгельс в письме от 12-го сентября, успокаивает Маркса и пишет:

«Нашим немецким и французским друзьям, действительно, недостаёт политического такта. Ну, и чудачки же брауншвейгцы! Они, верно, боялись исказить твои мысли при передаче и поэтому решили лучше напечатать их дословно. Но, в действительности, неприятна только одна вещь – эта фраза о переносе центра тяжести. Напечатать её – это уже поистине показывает, что люди глупы! Будем надеяться, что парижане заняты в настоящий момент другими делами и не будут тщательно штудировать манифест, тем более что они не знают немецкий. Это доказывает их перевод на немецкий язык своего манифеста к немецким рабочим – он великолепен по своей безграмотности! Либкнехт, между прочим, очень хвалит его в своей газете! – Лонге также очень занятен! По его мнению, выходит, что если Вильгельм Первый пожаловал французам Республику, то французы в благодарность за это должны сделать революцию в Германии!.. Если бы можно было оказывать влияние в Париже, то необходимо было бы как можно скорее внушить там, чтобы рабочие оставались спокойными до заключения мира. Бисмарк скоро будет в состоянии сделать это, или взяв Париж, или же само положение в Европе заставит прекратить войну. Но, каким бы то образом мир ни был заключен, необходимо, прежде всего, чтобы он был заключен раньше, чем рабочие могли бы что-нибудь предпринять... К несчастью, во Франции, в Париже, нет никого, кто бы имел смелость признаться, что всякое активное сопротивление бесполезно и что, следовательно, перспектива изгнать врага при помощи социальной революции, исключена заранее».

На следующий день, 13-го сентября, Энгельс прибавляет ещё:

«Война, затягиваясь, начинает принимать неприятный оборот. Французы чувствуют себя ещё недостаточно поколоченными, а в то же время, с другой стороны, немцы уже много завоевали».

14-го сентября 1870 года Маркс; в письме к Энгельсу, пишет:

«Бисмарк, несмотря на все его качества, осёл. Так как ему во всём везло, потому что он преследовал объединение Германии, он теперь потерял голову и стремится, без стыда и совести, проводить политику специально прусскую, не только в области внешних отношений, но и внутри страны... Я написал сегодня в Бельгию, Швейцарию и в Соединенные Штаты, чтобы дать детальные указания».

Наконец, 16-го сентября (последнее письмо Маркса к Энгельсу в 1870 году, так как осенью 1870 года Энгельс переехал из Манчестера в Лондон и поселился вместе с Марксом):

«**Спешно.** Скажи Дюпону, чтобы он ответил в Марсель (при сём посылаю манифест и письмо из Марселя) от имени Главного Совета и хорошенько бы намылил марсельцам голову. Пусть он пошлёт вместе со своим ответом и наш манифест; я ему пришлю, если у него нет».

Позднее Маркс вынужден был под влиянием событий, разыгравшихся во Франции изменить свой тон по отношению к французам. Геройское сопротивление французских рабочих – не слушавших, к счастью, советов Маркса, захватило под конец и самого Маркса. В письме в газету Daily News, от 16-го января 1871 года Маркс писал, почти в тех же выражениях, как и Бакунин: «Франция – и её дело, к счастью, не совсем погибли, она теперь борется не только за свою национальную независимость, но и за свободу Германии и Европы». После заключения перемирия 14-го февраля 1871 года Маркс писал Кугельману (совершенно противоположное тому, что он писал тому же Кугельману и Энгельсу пять месяцев тому назад): «Пусть Франция не падает духом! Пусть она воспользуется перемирием для того, чтобы реорганизовать свою армию, и придать затем войне характер действительно революционный – и тогда новая прусско-германская империя может получить неожиданное для себя крещение». Но, могут ли эти слова искупить всё, что говорил Маркс раньше?

В заключение нашей брошюры, чтобы хотя бы забыться немного от интимных излияний двух великих вождей немецкой социал-демократии мы приведём бодрящие слова настоящего «интернационалиста». Бакунин 2-го сентября писал:

«О, если бы Франция была наводнена армиями пролетариев немецких, бельгийских, испанских, итальянских, несущих красное знамя революционного социализма и возвещающих миру освобождение труда. Я первый бы в этом случае крикнул французам: «откройте им ваши объятия, это ваши братья, объединитесь с ними, чтобы вымести гниющие остатки буржуазного мира!» Но, нашествие, которое теперь попирает и бесчестит Францию не является нашествием демократическим и социальным, но представляет нашествие аристократическое, монархическое и военное. Пять или шесть миллионов немецких солдат, попирающих в этот час Францию, являются верными подданными, рабами деспота, который весь проникнут своим божественным правом. Направляемые, управляемые и толкаемые как автоматы, офицерами и генералами, вышедшими из рядов дворянства, немецкие солдаты являются злейшими врагами пролетариата. Принимая их мирно, оставаясь пассивными или хладнокровными перед этим нашествием деспотизма, аристократии и немецкого милитаризма, французские рабочие совершают преступление не только против своей чести и достоинства, не только против своей собственной свободы и своего процветания, но они совершают преступление против общего дела мирового пролетариата, против святого идеала революционного социализма».

Прибавим к этим словам ещё несколько строк, написанных Бакуниным месяц спустя к своим марсельским друзьям:

«Я не имею чести быть французом, но, я признаюсь, что я глубоко возмущён всеми надругательствами, которыми подвергается Франция... Я горько оплакиваю несчастье этой великой и симпатичной страны, страны, обладающей отважным

характером и глубоким умом, о которой можно сказать, что она создана историей для того, чтобы освободить мир. Я боюсь, что после всего, что происходит, замолкнет в мире навеки голос Франции, голос, который говорил всем страдающим и угнетаемым о свободе, равенстве, братстве и справедливости. Мне кажется, что если великое солнце Франции потухнет, то всюду воцарится тьма, и что все тусклые фонари, которые зажгут немецкие учёные-резонеры не смогут заменить этот великий и простой свет, который изливал на мир французский ум.

Наконец, я убеждён, что поражение и порабощение Франции и торжество Германии под главенством Пруссии повергнет всю Европу во мрак, нищету и рабство прошлых веков. Я настолько в этом уверен, что я думаю, что теперь священный долг каждого человека, любящего свободу и желающего торжества человечности над зверством, будет ли он англичанином, испанцем, итальянцем, поляком, русским и, даже немцем, принять участие в этой демократической борьбе французского народа против нашествия германского деспотизма».

Этими энергичными словами мы закончим нашу брошюру. 9-го сентября, покидая Локарно, Бакунин решил ехать в Лион. «Я решил отнести туда свои старые кости и сыграть там свою последнюю партию», писал он в письме к своему другу Адольфу Фохту.

Варлен вернулся из Бельгии в Париж 6-го сентября для того, чтобы принять участие в борьбе. Во время расправы версальцев с коммунарами он был расстрелян 23 мая 1871 года на Монмартре. Со смертью Варлена Парижскому Интернационалу был нанесён смертельный удар.

Карл Маркс и Интернационал в период 1871-72 г.г.³⁴ Очерк Н. Лебедева.

³⁴ Так как брошюра Гильома заканчивается изложением событий только до конца 1870 года, а между тем деятельность Маркса в Интернационале наиболее полно и ярко проявилась в период 1871-72 г.г., мы сочли необходимым дополнить брошюру Гильома настоящим очерком, чтобы читатель мог иметь после этого полное представление о роли Марка в Интернационале. Предлагаемый очерк составлен главным образом, на основании документального сочинения Гильома, *L'Internationale, Paris. 4 vol.*, и большая часть материалов помещаемых в этом очерке появляется на русском языке в первый раз. (Изд.)

В то время, как Бакунин решил «отвезти свои старые кости в Лион» и там поднять знамя социальной революции во имя спасения Франции, Маркс, сидя в Лондоне, продолжал вести свою работу по борьбе с Бакуниным и со всеми, кто не разделял теории «научного социализма».

Как известно, Базельский конгресс Интернационала в 1869 году постановил, что следующий конгресс Интернационала будет в 1870 году в Париже. Однако, франко-прусская война совершенно исключила эту возможность. Тогда некоторые члены Главного Совета предложили созвать очередной конгресс Интернационала в Амстердаме (Нидерланды). Но, Маркс воспротивился этому, так как предполагал, что благодаря войне Германии с Францией, на конгрессе будут преобладать швейцарцы, бельгийцы, испанцы и итальянцы, то есть те элементы, которые, в общем, не разделяли взглядов Маркса. Вследствие этого Маркс решил совершенно не созывать конгресса. Вот что он писал по этому поводу в Женеву к своему другу Беккеру:

«Конгресс не может собраться ни в Амстердаме, ни в Майнце; лучше его совсем не созывать. Германия за недостатком денежных ресурсов не могла бы послать на конгресс достаточное количество делегатов; Французские секции распущены; благодаря этому лучше не созывать конгресса, дабы избежать опасности, чтобы известные агенты³⁵ снова не получили бы на конгрессе *искусственное большинство*; ибо для действий подобного рода они всегда умеют находить ресурсы; откуда? *Это их секрет...* Бакунин имеет в лице центрального комитета бельгийских секций верное своё орудие, наши русские друзья в Женеве, и, в частности, Утин должны предпринять поход против Бакунина, издав против него полемическую брошюру».

Конец 1870 года и начало 1871 года были для Франции чрезвычайно тяжелы. Народное восстание в Лионе, куда поехал Бакунин, а затем в Марселе; не удались и были подавлены. Эта неудача Бакунина дала Марксу лишний повод для высмеивания своего противника. В своём памфлете, написанном против Бакунина, носившим заглавие «*Альянс социалистической демократии*» Маркс писал по этому поводу:

«Революционное движение в Лионе разразилось. Бакунин тотчас же приехал, чтобы соединиться со своим лейтенантом Ришаром и со своими сержантами Бастелика и Гаспаром Бланам. 28-го сентября, в день приезда Бакунина³⁶ народ захватил городскую думу. Бакунин устроил здесь своё местопребывание. Таким образом для Бакунина наступил критический момент, момент, которого он ожидал целые годы, и когда Бакунин мог выполнить свой акт наиболее революционный в мире: ***он декретировал уничтожение государства***. Но, государство, в виде двух отрядов буржуазной национальной гвардии, вошло в дверь, которую забыли запереть, и очистило в несколько минут зал, заставив Бакунина собраться в обратный путь в Женеву».

В этих словах, продиктованных злобой и ненавистью, Маркс старается намеренно исказить и уменьшить роль Бакунина в Лионском восстании, и, желая показать, что инициатива в этом движении принадлежит не Бакунину, говорит, что Бакунин приехал в Лион, в самый день восстания, 28-го сентября, и просто примкнул к движению,

³⁵ Бакунин и его сторонники.

³⁶ В действительности, Бакунин приехал в Лион 15-го сентября. Он сам участвовал во взятии городской думы.

тогда как на самом деле Бакунин приехал в Лион 15-го сентября и ещё до этого письменно из Швейцарии вдохновлял своих лионских друзей и указывал, что следует делать и где искать спасения. Бакунин не воспользовался уже занятой городской думой, а сам во главе отряда брал её и после захвата не думал, конечно, **декретировать уничтожение государства**, а, лишь призывал к немедленной организации Коммуны.

Несмотря на неудачи Лионского и Марсельского восстания, коммуналистское движение во Франции не заглохло и в марте 1871 года получило осуществление в Парижской Коммуне. Парижская Коммуна, в которой деятельное участие принимали все видные французские интернационалисты, предприняла героическую борьбу против буржуазного Версальского правительства, мечтавшего восстановить с помощью немцев монархию во Франции. Парижская Коммуна хотела создать во Франции новый общественный порядок, основанный **на свободе, федерализме и децентрализации**. Она являлась отрицанием централизованного Государства, поклонником которого был Маркс. В Коммуне нашли своё выражение лучшие идеи Прудона и французских интернационалистов.

Перед таким фактом огромной важности и значения, Маркс, конечно, не мог ничего возразить, но, и в этом случае он постарался извратить действительность и в своей брошюре о Парижской Коммуне пытался утверждать, что Парижская Коммуна является опытом **диктатуры пролетариата**, первой попыткой создания **рабочего государства**.

В тот момент, когда Парижская Коммуна погибала под бешеным натиском версальцев, и десятки тысяч её защитников умирали на баррикадах, Главный Лондонский Совет Интернационала, который в это время олицетворялся почти одним только Марксом, занимался главным образом, тем, что вносил и раздувал распри среди швейцарских секций. Агент Маркса в Женеве, Утин, весной 1871 года инспирируемый Марксом из Лондона, предпринял компанию против Бакунина и его друзей, обвиняя их в подлогах, в составлении фальшивых писем и приёме женевской секции Альянса в Интернационал. Распри и раздоры среди швейцарских интернационалистов летом 1871 года захватили широкие массы и вовлекли также большинство приехавших в это время в Швейцарию парижских коммунаров, которым удалось избежать рук версальского правительства. Почти все парижские коммунары были возмущены махинациями Маркса и его сторонников, и встали на сторону Бакунина и юрских секций, стоявших на федералистской точке зрения.

Маркс, чувствуя, что большинство видных деятелей Интернационала стоит не на его стороне, решил не допускать созыва общего конгресса в 1871 году. Вместо него, он назначил в Лондоне конференцию, которая и состоялась 17-23 сентября.

На Лондонской конференции принимали участие 23 делегата – 6 от бельгийских секций, 2 от швейцарских, 1 от испанских, 13 членов Главного Совета и 1 неизвестный без мандата. Многим секциям и федерациям, как, например, Юрской, приглашение на конференцию не было прислано, так как участие делегатов от этих секций было признано нежелательным. В числе 13 членов Главного Совета мы видим самого Маркса, его друга Энгельса, его сторонников Эккариуса, Галя, Роша, Кона, Зябицкого и Юнга. Тринадцать членов Главного Совета, не имевших никаких мандатов от сек-

ций, составляли между тем **большинство** конференции и поэтому могли проводить беспрепятственно все свои постановления и решения.

Что происходило на конференции мы можем узнать из рассказа члена Главного Совета Интернационала, Поля Робена, который присутствовал на нескольких её заседаниях:

«Я не буду рассказывать, говорит Робен, о всех приготовлениях Главного Совета к конференции. За дальностью расстояния и по семейным обстоятельствам я не мог в это время аккуратно посещать заседания Совета... Я был лишь на одном заседании, на котором Маркс запугивал членов Совета Французскими шпионами и настаивал, чтобы на конференцию не допускать ни одного французского коммунара... Наконец, наступил день открытия – конференции; место конференции и время её заседаний были известны лишь её участникам. Это делалось под предлогом того, чтобы о конференции не узнала полиция, но, в действительности, организаторы Конференции боялись, что на её заседания могут явиться в качестве публики члены Интернационала и могут контролировать слова и речи ораторов...

Перед открытием первого заседания разыгрался маленький инцидент, который, однако, показал весь истинный характер этой конференции. Открытие конференции было назначено в пять часов. К этому времени все члены были уже налицо. Но, с открытием почему-то медлили. Маркс, сильно озабоченный чем-то, бегал от одного своего лейтенанта к другому и несколько раз куда-то исчезал из зала заседаний. Присутствующим уже начинало надоедать бесцельное сиденье и я, в один из моментов, когда Маркс вышел, предложил собранию выбрать председателя и начать работу; председателем я предложил Юнга. Я видел, что моё предложение очень удивило многих членов своей смелостью; кто-то внёс поправку и добавил, что выбрать «временно», предложение было поставлено на голосование и большинство присутствующих высказалось за то, чтобы выбрать «временно» председателем Собрания Юнга. Эккариус голосовал против. Юнг стал торопливо отказываться от председательства; присутствующие стали настаивать, в зале поднялся шум. На этот шум явился Маркс вместе с Энгельсом, который тотчас же поспешил предложить собранию избрать председателя. На моё замечание, что председателем уже избран Юнг, Энгельс ничего не ответил, и заявил, что он, со своей стороны, предлагает избрать Юнга. Собрание, хотя Юнг и был уже избран, ещё раз голосовало за Юнга и на этот раз поднял руку за Юнга и Эккариус.

Первые два три заседания конференции прошли в выслушивании речей Николая Утина, который обливал грязью Бакунина и его сторонников. Не разрешив окончательно ни одного вопроса, стоявших в программе дня, конференция постановила избрать комиссию по выработке резолюций; в эту Комиссию вошёл сам Маркс и его друзья. Затем Маркс прочитал свой проект работ, составленный совместно с Энгельсом и одобренный Главным Советом. Из всего этого было ясно видно, что вся Конференция должна иметь своей главной целью, уничтожение и компрометирование личных врагов Маркса – Бакунина и его друзей. Однако, хотя Маркс и был уверен, что почти вся конференция состоит из его сторонников, он, тем не менее, боялся некоторых иностранных делегатов, которые, не зная всей закулисной стороны дела, могли задать нескромные и щекотливые вопросы. Чтобы избежать этого, Маркс предложил, чтобы конференция **не вотиrowала в окончательном виде ни**

одной резолюции, но, чтобы голосовала свои постановления лишь **в общем смысле**, предоставив Главному Совету **окончательную редакцию резолюций**. Благодаря такому приёму Главный Совет мог опубликовать под названием «Постановлений Конференции» все, что ему будет угодно.

По делу о Бакуине и «Альянсе социалистической демократии» конференция избрала особую комиссию, которая и должна была вынести определённое решение по этому вопросу. Николай Утин предложил, чтобы первое место в этой комиссии принадлежало Марксу. Когда же я на это заметил, что в комиссию должны войти люди совершенно непричастные к конфликту и незаинтересованные, Утин страшно возмутился. Маркс после моего замечания стал было отказываться. Марксисты поднимают шум и настаивают, чтобы Маркс вошёл в комиссию. Маркс **вынужден** был уступить требованию собрания. В эту комиссию вошли ещё кроме Маркса, его верный слуга Эккариус, один молчаливый ирландец, один француз и один бельгиец».

Комиссия, вероятно ради беспристрастия, избрала местом своих заседаний салон Маркса... В чём состояла работа комиссии и к каким она пришла результатам осталось тайной. По всей вероятности, эта комиссия постановила исключить из Интернационала Бакуина и его ближайших друзей, что и было, как мы увидим ниже, приведено в исполнение на Гаагском конгрессе 1872 года.

Чтобы привлечь на свою сторону большинство делегатов и деятелей Интернационала в разных странах Маркс старался подействовать на них лаской и своим вниманием, когда же эта политика не приводила к желательным результатам, Маркс обрушивался на этого человека и старался натравить на него своих последователей. Так дело обстояло, например, с делегатом Испанской Федерации, известным деятелем Интернационала в Испании; Ансельмо Лоренсо:

Вот что рассказывает Лоренцо о своей поездке в Лондон:

«По приезде в Лондон вечером, я поехал на извозчике по данному мне адресу. Вскоре извозчик остановился около одного дома и позвонил; на его звонок вышел почтенный старец, который, стоя в дверях и освещаемый прямо в лицо светом фонаря, казался мне каким-то патриархом. Я робко, и почтительно подошёл к нему и отрекомендовался, как делегат испанской федерации Интернационала. Старец обнял меня, поцеловал в лоб и стал говорить по-испански слова приветствия и просил меня войти в дом. Это был Карл Маркс...

На другой день Маркс познакомил меня с Энгельсом и другими членами Главного Совета. Энгельс просил меня поселиться у него на квартире...»

Однако, несмотря на ухаживание Маркса и Энгельса, на все их старания Ансельмо Лоренсо вынес от пребывания в Лондоне самое отвратительное впечатление. У него быстро рассеялось всё уважение к Марксу, которое он питал к нему ещё не зная его.

«О времени, проведенном мной в Лондоне, писал Лоренсо, у меня сохранились самые печальные воспоминания. Всё виденное и слышанное мной на конференции и в частных разговорах произвело на меня самое удручающее впечатление. Я надеялся встретить в Лондоне великих мыслителей, геройских защитников рабочего дела, пропагандистов-энтузиастов, предтеч и апостолов нового возрождённого революцией общества, в котором будет справедливость и счастье. Вместо всего этого я нашёл здесь глубокую злобу и ужасные распри, царившие между теми, которые должны были быть объединены единой волей, чтобы скорее достичь общей цели...

Я вынес убеждение, что вся цель созыва конференции заключалась только в том, чтобы утвердить в Интернационале господство присутствовавшего на конференции Карла Маркса в противовес Бакунину, которого не было на конференции, но который будто бы тоже стремился к господству в Международном Товариществе Рабочих.

Чтобы достигнуть этой цели, те, кто; был в этом заинтересован, составили целый обвинительный акт против Бакунина и Альянса Социалистической Демократии, снабжённый оправдательными документами, перечислением преступных фактов, подлинность и верность которых никто, однако, вполне не мог доказать. Обвинение Бакунина поддерживалось только одним Утиным, который не скупился на выбор слов, чтобы втоптать в грязь врагов. Обвиняющая сторона была тем более смела, что сами обвиняемые не были приглашены на разбор их дела... Разбирательство швейцарского вопроса на самой конференции всё-таки было, более или менее, обставлено некоторыми формами приличия, но, в самой комиссии по этому делу обвинители не считались ни с чем и давали полный простой своей злобе. Я присутствовал на одном из заседаний этой комиссии в квартире Маркса, и я воочию убедился до чего может унизиться великий человек. После этого заседания Маркс навсегда сошёл для меня с того пьедестала, на который он был поставлен мной раньше. Его сторонники и друзья после этого вечера стали в моих глазах ещё мельче и ничтожнее; своим поведением перед Марксом они напоминали мне льстивых и преданных лакеев, стремящихся исполнить всякий хозяйский каприз...

Я возвратился в Испанию разочарованным, убедившись, что наш идеал ещё очень далёк от действительности, и что многие из его пропагандистов являются, скорее, его врагами, чем друзьями³⁷»

Выше мы уже сказали, что, по настоянию Маркса, конференция не голосовала в окончательном виде своих резолюций, а поручила Главному Совету редактировать эти постановления. Для этого была избрана особая комиссия из членов Главного Совета во главе с Марксом. Эта комиссия уже после конференции составила семнадцать резолюций по разным вопросам и Главный Совет издал их отдельной брошюрой под заглавием: «Постановление делегатов (!) Конференции Интернационала, происходившей в Лондоне 17-23 сентября 1871 года».

Наиболее важной и характерной из этих резолюций, является постановление относительно «политической деятельности рабочего класса». В этом постановлении Главный Совет, или вернее, Карл Маркс, – ссылаясь на «Вступительный Манифест Интернационала»³⁸ и на постановление Лозаннского конгресса о том, что «социальное освобождение рабочих неотделимо от их политического освобождения», – требует от пролетариата участия в политической борьбе.

В этой резолюции говорится:

«Принимая во внимание, что против коллективной власти господствующих классов пролетариат может действовать как класс только в том случае, если он образует отдельную политическую партию, противоположную всем прежним партиям, созданным властвующими классами;

³⁷ Anselmo Lorenzo. El Proletariado militante, стр. 314-322.

³⁸ Написанный Марксом и не принятый ни одним конгрессом Интернационала.

Что это объединение пролетариата в политическую партию необходимо, чтобы обеспечить торжество революции и её конечной цели – уничтожения классов...

Конференция напоминает членам Интернационала:

Что движение экономическое рабочего класса тесно связано с политической борьбой».

Конференция поручила Николаю Утину собрать ещё новые материалы по делу Бакунина и Альянса социалистической демократии и установить связь между Альянсом и, так называемым, «Нечаевским делом». Конференция просила Утина собрать подробные сведения о деятельности Нечаева и напечатать в газете *«Равенство»* отчет по делу Нечаева, сообщив его предварительно Главному Совету. Всё это было сделано с единственной целью, чтобы скомпрометировать Бакунина, который одно время был дружен с Нечаевым. Хотя Маркс и Утин прекрасно знали, что Бакунин ещё в 1869 году порвал всякие сношения с Нечаевым и разошёлся с ним, тем не менее они решили воспользоваться неблагоприятными поступками Нечаева, чтобы набросить тень подозрения и на Бакунина. Утин, в угоду Марксу постарался сделать историю Нечаевского дела почти историей самого Альянса Социалистической Демократии и тесно связал деятельность Бакунина с действиями Нечаева. Гнусная ложь и подтасовки фактов были повторены затем самим Марксом в его брошюре против Бакунина *«Альянс Социалистической Демократии и Интернационал»*.

После Лондонской конференции Утин в Швейцарии начал снова вести кампанию против Бакунина и его сторонников, стараясь дискредитировать Бакунина в глазах французских эмигрантов коммунаров, которые, в большинстве встали на сторону Бакунина и обвиняли Маркса в пристрастии и в стремлении к власти.

Но, такие приёмы марксистов не имели успеха, и наиболее проникательные французские изгнанники ясно отдавали себе отчёт во всём происходящем. Так, известная социалистка-писательница Андре Лео (Шампсей) в одном из своих писем из Швейцарии писала:

«Да, в Интернационале существуют разногласия, как и всюду в мире. Немцы, в лице Маркса, стремятся к централизации и деспотизму, хотят видимого единства, как Бисмарк. Латинские Элементы протестуют и пробуют бороться против этого. Вполне возможен раскол. Это очень досадно...»

Позднее, та же Андре Лео в одной из своих статей в газете *«Социальная Революция»* писала:

«Пангерманизм заражает, как эпидемическая болезнь, все немецкие головы, так что, даже когда немцы проповедуют социализм, они не вполне отрешаются от мысли, что они немцы. Бисмарк вскружил голову всем немцам от Рейна до Одера. Карл Маркс хочет быть папой Интернационала...» в одном из своих частных писем Андре Лео называет Маркса «Злым гением Интернационала, его Бисмарком».

Конечно, всё это возмущало самого Маркса, и он в число своих врагов зачислил и многих французских коммунаров, как, например, Малона и других. Когда зимой 1871 года часть французских коммунаров образовала в Женеве свою «секцию пропаганды и социально-революционного действия» и подала заявление в Главный Совет о принятии её в Интернационал, то Главный Совет, по настоянию Маркса, отказал в этом. Секция просила три раза Главный Совет принять её в Интернационал, указывая, что большинство её членов коммунары, социалисты-революционеры, доказавшие

на деле свою преданность делу социализма. Но, Главный Совет наотрез отказался допустить в Интернационал эту секцию, так как Маркс боялся, что эта секция будет поддерживать Бакунина.

Ввиду такого поведения Главного Совета «Женевская секция пропаганды и социально-революционного действия» решила протестовать против действий Главного Совета и довести дело до сведения интернациональных федераций, прося их войти в положение. Около этого же времени французские эмигранты в Лондоне также образовали свою группу под названием «французская секция 1871 года». Эта секция также не была принята Главным Советом в Интернационал. Юрская Федерация Интернационала была также на полулегальном положении, так как Главный Совет упорно не хотел вести с ней никаких сношений и переписки.

Видя, однако, что его клеветы и разные «частные сообщения», посылаемые от имени Главного Совета Интернационала интернациональным федерациям, не достигают своей цели, Кал Маркс решил, начиная с 1872 года действовать более энергично. Зимой 1871-72 он послал в Испанию своего зятя Поля Лафарга, поручив ему собрать компрометирующие Бакунина и Альянс материалы и постараться привлечь на свою сторону Испанские федерации и секции. Действительно, Лафаргу удалось привлечь на сторону Маркса несколько видных испанских интернационалистов, убедив их в том, что Бакунин и его сторонники ведут борьбу против Главного Совета и Маркса из-за личных интересов. Однако, большинство испанских секций не поверили этой версии.

Чтобы привлечь на сторону Маркса итальянские секции Энгельс предпринял в 1871 и 72 годах обширную переписку с деятелями Интернационала в Италии и в своих письмах обвинял Бакунина и его друзей в интриганстве, в стремлении к господству в Интернационале. Однако, клевета и нападки Энгельса на Бакунина вызвали в Италии как раз обратный результат тому, какого надеялся достичь Энгельс. Главный корреспондент Энгельса в Италии, один молодой итальянец, лично бывавший у Маркса и Энгельса в Лондоне и разделявший их взгляды, Карло Кафиеро, до того был возмущён всем тем, что писал ему Энгельс о Бакунине, что поехал лично к Бакунину, чтобы объяснить. После этого объяснения Кафиеро, познакомившись с Бакуниным, перешёл в лагерь его сторонников и стал впоследствии одним из его ревностных учеников.

В то время как Маркс и марксисты всюду старались распространить клеветы на Бакунина и его сторонников, сам Бакунин продолжал жить самым мирным образом в Локарно, занимаясь главным образом литературной работой. Он старался сохранять своё хладнокровие и не обращать внимания на нападки марксистов. В это время Бакунин испытывал страшную материальную нужду и часто, буквально, ему и его семье приходилось голодать. Поглощённый заботами о добывании насущного хлеба для своей семьи, Бакунин не хотел вступать в полемику с марксистами, так как сознавал, что это вызовет и их стороны ещё большее ожесточение. Вот что писал Бакунин по этому поводу итальянскому социалисту Серетти:

«Нападки еврейско-немецкой секты для меня не являются новостью. Вот уже начиная с 1848 года до настоящего момента я воздерживался отвечать на эти нападки. Мне кажется, что они задались целью, чтобы я прерывал молчание. Хотя и против своей воли, мне придётся сделать это. Мне противно вмешивать наши личные счёты

с Марксом в великий идейный спор, и ничто меня так сильно не коробит, как то, что я должен служить объектом внимания со стороны публики. Я делал всё, чтобы моя фамилия не фигурировала бы в полемических статьях, печатавшихся в итальянских газетах. Я прекратил даже с этой целью печатание моих статей против мадзинистов, и когда г. Энгельс косвенным образом задел меня в своём ответе Мадзини, я удержался и ничего не ответил... В настоящее время они распускают относительно меня разного рода клевету. В тот момент, когда я получил Ваше письмо, я получил подобное же письмо из Милана, и другое из Неаполя; в них сообщаются также компрометирующие меня клеветы. Ввиду этого я решил напечатать в итальянских газетах протест, адресованный интриганам Главного Совета Интернационала. Я это сделаю обязательно, если они выведут меня из терпения. Но, прежде чем это делать, я хочу попытаться в последний раз пойти путём примирения; я думаю написать в Главный Совет письмо частного характера, копию которого пошлю вам. Если Главный Совет не даст мне удовлетворяющий меня ответ, тогда я заставлю его объяснить его поведение по отношению ко мне публично».

К сожалению, Бакунин не привёл в исполнение свой проект; он не написал письмо Главному Совету и не напечатал официального вызова в газетах. Это отчасти ещё более придало смелости его врагам и заставило усилить свои клеветы.

Насколько Маркс горел злобой и ненавистью к Бакунину, настолько Бакунин относился хладнокровно и даже безразлично к Марксу. Бакунин во многих письмах удивляется ненависти Маркса и говорил, что он лично не питает к Марксу никакой вражды, а, наоборот, относится к нему с уважением за его научные заслуги. Так, в письме к испанцу Лоренсо весной 1872 года Бакунин писал:

«Я знаю Маркса давно и всегда уважал его, несмотря на все отрицательные стороны его характера – властность, самолюбие, ненависть ко всем, кто, не разделяя его убеждений, имел смелость признаться ему, что он не разделяет его теорий, и не признаёт его власти... Констатируя все эти недостатки, которые у Маркса часто разрушают всё доброе и хорошее, что он делал я, тем не менее, всегда высоко ценил – и мои друзья могут это подтвердить – выдающиеся научные заслуги Маркса и всегда воздавал должное его уму, его неутомимой беззаветной и активной преданности делу освобождения пролетариата. Я признавал и признаю великие заслуги Маркса перед Интернационалом... Наконец, я искренно думаю и теперь, что если бы Маркс, – ослеплённый своими честолюбивыми стремлениями и движимый своими идеями, в истинность и непогрешимость которых он верит, и которые нам кажутся, наоборот, заблуждениями, – вздумал бы лишить нашу великую Ассоциацию своей поддержки, то это был бы большой удар для Интернационала... Но, однако, всё это не может служить причиной того, чтобы, из боязни не потерять сотрудничество Маркса нам нужно превратиться в послушное орудие в его руках. Поэтому я не колеблясь заявляю, что если нужно делать выбор между признанием теории Маркса и его уходом из Интернационала – предпочту последнее».

В июне 1872 года некоторым федерациям и секциям Главный Совет разослал секретным образом брошюру, направленную против Бакунина и Юрской Федерации. Эта брошюра носила заглавие «Мнимый раскол в Интернационале» и была подписана 47 членами Главного Совета Интернационала. В действительности, эта брошюра была

написана одним Марксом, который просто заставил подписать её членов Главного Совета, чтобы придать ей официальный характер.

История происхождения этого документа такова: Маркс, желая одним разом покончить с ненавистными ему Юрской Федерацией и Бакуниным, собрал через своих агентов все, по его мнению, наиболее компрометирующие данные, сгруппировал их и снабдил их своими комментариями. Прочитав своё произведение в кружке некоторых членов Главного Совета, он заставил их подписать и затем отпечатал её в виде «частного циркуляра» Главного Совета Интернационала.

Член Главного Совета Поль Робен так рассказывает об этом событии:

«Однажды вечером в конце мая 1872 года Маркс собрал у себя на квартире несколько человек Главного Совета и прочитал им своё новое произведение: *«Мнимый раскол в Интернационале»*. Избранные выслушали с благоговением писание учителя. В следующем заседании Главного Совета было заявлено, что *подкомиссия* составила и предлагает издать циркуляр по поводу швейцарских разногласий. Любопытным членам Совета, желавшим узнать в чём дело, отвечали, что вопрос, о котором говорится в циркуляре имеет чисто местное значение и совершенно незначительный и, что во всех подобных случаях раньше Совета давал своё согласие, доверяя комиссиям. Предложение об издании циркуляра было принято без возражений. В одном из первых июньских заседаний Главного Совета членам была роздана брошюра, подписанная 47 членами Главного Совета; брошюра эта была отпечатана в Женеве, в Лондоне же она раздавалась только избранным. Циркуляр был помечен *пятым числом марта месяца*³⁹...»

Этот циркуляр Главного Совета произвёл на интернационалистов в Швейцарии, Италии, Испании и Бельгии гнетущее впечатление. Одна из французских социалисток, Андре Лео, писала по этому поводу:

«Наши господа из Лондона опубликовали циркуляр секретно отпечатанный. Я его получила случайно... Вероятно, это произведение Маркса. Как мог он унизиться до того, чтобы написать подобную гнусную вещь? Для меня это непостижимо.

Всё это очень печально и приносит вред нашему общему делу, продолжает Лео. Люди, называющие себя строителями будущего, занимаются на деле интригами и пакостями, борясь при помощи клеветы и приёмов Макиавелли. Куда всё это может нас привести?... Впрочем, я не удивляюсь; эти люди – фанатики, они думают, что для торжества идей можно вполне губить тех, кто, по их мнению, является препятствием на пути».

Бакунин, узнав об этом циркуляре, в своём письме 12-го июня к Комитету Юрской Федерации говорит: «Дамоклов меч, так долго висевший над нашими головами, наконец, упал. Собственно говоря, – это не меч, а обычное оружие Маркса, – куча грязи...». Своё письмо Бакунин заканчивает так: «ничто не доказывает более ясным образом разрушительное господство Маркса в Главном Совете, как настоящий циркуляр. Прочтите фамилии сорока семи членов, подписавших циркуляр, и вы с трудом насчитаете среди них 7-8 человек, которые могли бы высказаться более или менее некоторым знанием дела по данному вопросу. Все остальные ничего в этом

³⁹ Маркс писал его в конце мая!

не понимают и являются послушным и слепым орудием марксистской политики и ненависти. Они подписали возмутительный приговор против нас, приговор, который они не видали и не читали, и который они вынесли, не позаботившись даже обратиться к нам хотя бы с единым вопросом!

Вот каким образом понимает Главный Совет *Справедливость, Истину и Нравственность*, которые должны служить, согласно уставу Интернационала, основой отношений, как личных, так и общественных для всех членов Интернационала. Ах, господин Маркс, очевидно эти слова легче поставить в заголовке программы, чем выполнять их на практике...»

Многие федерации Интернационала после этого факта стали требовать созыва общего конгресса Интернационала, который бы обсудил положение дела. Маркс пробовал сопротивляться, но в июле месяце, видя, что дальнейшее сопротивление против федераций, требующих созыва общего конгресса, будет небезопасно, Маркс и Энгельс решили уступить и решили созвать общий конгресс, предприняв, однако, меры, чтобы их партия имела на конгрессе большинство, которое разом покончило бы с бакунистами и федералистами. Главный Совет Интернационала, по настоянию Маркса, избрал местом конгресса город Гаагу в Голландии и назначил съезд конгресса на 2-ое сентября 1872 года. Гаага была выбрана потому, что в Голландии Интернационал был очень слабо развит и, кроме того, Гаага находилась сравнительно далеко от Швейцарии, Италии и Испании, где преобладали федералисты, и Маркс рассчитывал, что за дальностью расстояния швейцарские, испанские и итальянские секции пошлют на конгресс минимальное количество делегатов. Этот расчёт оказался, в известной степени, правильным.

Лето 1872 года Маркс и его сторонники энергично готовились к конгрессу. Сам Маркс и Энгельс собирали материалы, которые могли бы послужить обвинением против Бакунина и его друзей и достаточной причиной для того, чтобы исключить их из Интернационала.

С этой целью Маркс ещё весной 1872 года написал письмо в Петербург к известному русскому публицисту Николаю-он'у⁴⁰, (с которым он лично не был знаком, но который писал Марксу несколько писем по поводу «Капитала»), прося его сообщить всё, что он знает о Бакунине. Так, в письме от 28-го мая 1872 года Маркс пишет:

«Один из проживающих в Швейцарии крикливых шарлатанов (Marktschreier) – М. Бакунин – откалывает такие штуки (spielt solche Streiche), что я был бы очень вам благодарен за всякое точное сведение об этом человеке, а именно: 1) о его влиянии в России, и 2) о той роли, которую его особа играла в пресловутом (нечаевском) процессе».

В письме от 15-го августа 1872 года к тому же Николаю-он'у Маркс пишет: «пишу сегодня второпях, чтобы обратиться к вам с просьбой по одному специальному делу *самого неотложного свойства*⁴¹. Бакунин – бывший руководителем в Нечаевском деле (!), старавшийся все эти годы своими тайными происками разрушить Интернационал, был в последнее время до такой степени прижат нами к стене, что вынужден

⁴⁰ Литературное имя Николая Францевича Даниельсона – экономист, публицист-народник, издатель, переводчик «Капитала» на русский язык и автор первого завершённого перевода трёх томов «Капитала», один из идеологов и теоретиков либерального народничества. (современное прим.)

⁴¹ Разрядка в оригинале

был сбросить с себя маску и отколоться открыто (!) от Интернационала вместе с руководимыми им глупцами. Так вот этому Бакунину было как-то предложено перевести на русский язык мою книгу, при чём часть денег за перевод была им получена вперёд; но вместо того, чтобы доставить труд, он написал, или велел написать, к некоему Люну (так, мне помнится, звали человека, ведшего с ним дело по поручению издателя) в высшей степени возмутительное и компрометирующее письмо. Это письмо могло бы принести мне громадную пользу, если бы я мог получить его немедленно. Так как это чисто коммерческое дело и так как при пользовании этим документом не будет названо никаких фамилий, то, я надеюсь, что вы добудете это письмо. Но, не следует терять ни минуты времени. Если вы согласны прислать мне это письмо, то нужно сделать это сейчас же, потому что в конце этого месяца я уезжаю из Лондона на гаагский конгресс».

Письмо это было доставлено Марксу и послужило в его руках самым важным обвинительным документом, на основании которого Маркс обвинил Бакунина в шантаже и в воровстве. Маркс не обращал внимания на то, что это письмо было написано не Бакуниным, а Нечаевым. Вся сущность дела заключалась в следующем: когда летом 1869 года Нечаев, приехав из России, застал Бакунина за переводом «Капитала» Маркса, он стал уговаривать его бросить эту работу и заняться более важным революционным делом. Когда же Бакунин указал, что он заключил уже условие с издателем и взял у него в задаток 300 рублей, Нечаев сказал, что он берётся уладить это дело с издателем. Бакунин согласился. После этого Нечаев написал письмо студенту Любавину, с которым велись переговоры о переводе; в этом письме, написанном без ведома Бакунина, Нечаев от имени революционного комитета извещал издателя, что Бакунин нужен для более важной революционной работы и что перевод продолжать не будет. В письме указывалось, что если издатель вздумает настаивать на исполнении заключенного условия, то революционный комитет найдет меры против этого. П. А. Кропоткин, видевший это письмо, говорит, что, насколько он помнит, в этом письме не содержалось никаких особенных угроз.

Со своей стороны, Энгельс также собирал обвинительные материалы против Бакунина и прибегал даже в этом случае к очень некрасивым приёмам. Так 24-го июля 1872 года он писал испанскому федеральному Совету:

«Граждане! Мы имеем в наших руках неопровержимое доказательство, что в Интернационале, в особенности, в Испании, существует тайная организация, называемаяся «Альянсом социалистический демократии». Эта организация, *главный центр которой находится в Швейцарии*, имеет своей целью захватить в свои руки управление Интернационалом и направить всю деятельность его для достижения цели, которая для большинства интернационалистов совершенно неизвестна. Главный Совет уже объявил в своём циркуляре, что он потребует от предстоящего конгресса открытия анкеты об Альянсе, который является настоящим заговором против Интернационала... Решено положить конец всем подпольным действиям этого союза и поэтому мы просим вас прислать Главному Совету для составления особой записки гаагскому конгрессу следующие сведения:

1) Список всех членов Альянса в Испании, с указанием должностей, исполняемых этими лицами в Интернационале;

2) Сведения относительно характера и деятельности Альянса, а также доклад об организации Альянса в Испании...

В случае неполучения от вас полного и удовлетворительного ответа на настоящее требование *с обратной почтой*, Главный Совет Интернационала вынужден будет сообщить о вашем поведении публично всем секциям, как в самой Испании, так и за границей, как противном уставу Интернационала, при чём вы будете рассматриваться, как изменники Интернационала, предавшего его в интересах тайного сообщества, которое не только не имеет ничего общего с Интернационалом, но, прямо ему враждебно».

Таким образом, Энгельс прибегал к угрозам и запугиванию, чтобы добыть нужные для Маркса сведения. Маркс, в своей брошюре «Альянс социалистической демократии и Интернационал», цитируя это письмо, опускает ультимативный конец, находя, вероятно, что Энгельс пересолит в своём усердии.

На конгресс Интернационала в Гаагу прибыло из разных стран 67 делегатов. Большинство делегатов были сторонники Маркса или его друзья. Маркс заранее принял все меры, чтобы иметь на своей стороне большинство голосов. Чтобы обеспечить вернее победу Маркс решил сам лично, в первый раз за всё время существования Интернационала, поехать на конгресс. До этого Маркс предпочитал действовать, как он сам выражался, «из-за кулис». Первые три дня в Гааге были употреблены на проверку мандатов, при чём в мандатную комиссию вошёл сам Маркс и четверо его сторонников; представители оппозиции получили лишь два места. Это было сделано потому, что многие мандаты были сфабрикованы в Лондоне. Маркс, как оказывается, писал своему другу Зорге в Америку, чтобы он привёз с собой несколько *чистых бланков* мандатов от американских секций. Зорге, исполняя этот приказ, привёз двенадцать чистых мандатов и передал их Марксу, который и раздал их своим верным последователям. Когда об этом факте узнал Герман Юнг, то он спросил Маркса верно ли это? Маркс не отрицал того, что он просил Зорге захватить несколько лишних мандатов, и добавил, что Зорге, рассказавший об этом – *глупый* осел.

Из 67 человек, прибывших на конгресс, 22 человека были членами Главного Совета и являлись сторонниками Маркса. Эти 22 делегата совместно с 12 делегатами от американских секций, мандаты которых Маркс роздал по своему усмотрению, уже составляли большинство конгресса. К этому большинству присоединялись ещё немецкие делегаты и французские бланкисты, которым Маркс за содействие обещал дать несколько мест в Главном Совете Интернационала. Таким образом, победа Маркса над Бакуниным и федералистами была обеспечена заранее.

В программе Гаагского конгресса стояли следующие вопросы: 1) о полномочиях Главного Совета, 2) о политической деятельности пролетариата. Вопрос о Бакунине и его сторонниках в программу дня официально поставлен не был.

Прения по вопросу о полномочиях Главного Совета открыл делегат от секций города Льежа, бывший в то же время членом Главного Совета А. Герман. Он указал, что пославшие его секции, как и вообще все бельгийские секции, придерживаются того мнения, что Главный Совет не должен быть политическим центром, навязывающим секциям свою волю и стремящимся управлять Интернационалом... Каждая страна должна быть свободна в выборе средств для своей борьбы... Заканчивая свою речь, Герман указал, что уполномочившие его секции настаивают на том, чтобы Главный

Совет был поставлен в такие условия, в которых он не мог бы больше навязывать свою волю всему Интернационалу.

После Германа говорил зять Маркса Лафарг, который защищал противоположную точку зрения, то есть точку зрения Маркса, и наставила, чтобы Совету были даны широкие полномочия. После Лафарга слово было предоставлено Джеймсу Гильому, делегату от Юрской Федерации, ближайшему другу Бакунина.

В своей речи Гильом указал, что в Интернационале существуют два идейных течения. Представители одного из этих течений, централисты, смотрят на Интернационал, как на организацию, созданную несколькими лицами, обладающими своей социальной теорией. Эти лица уверены в непогрешимости своих теорий и думают, что только следуя этим теориям пролетариат добьётся своего освобождения. Основной теорией этой группы лиц является вера, что пролетариат сможет освободиться только при помощи политической борьбы.

«Представители другого течения, говорил Гильом, наоборот, считают, что Интернационал не является продуктом деятельности какой-либо группы лиц, но возник и развился в силу самих экономических условий нашей эпохи...» Далее в своей речи Гильом указывал на опасность централизма и увеличения власти в руках Главного Совета. Он говорил, что «Главный Совет должен быть не как центр власти и управления, но только как центр для письменных сношений и статистики – не больше».

После Гильома выступил с большой речью друг Маркса Зорге; он горячо настаивал на необходимости облечения Главного Совета властью и говорил: «Главный Совет должен быть генеральным штабом Интернационала, защитники и сторонники автономии и федерализма, защищая свободу деятельности федераций, говорят, что Интернационал не нуждается в голове; мы думаем обратное, мы думаем, что голова нужна и она нужна с большими мозгами внутри. (Многие делегаты в этот момент смотрят на Маркса и смеются). Мы должны иметь сильную централизацию, продолжает Зорге, и я требую, что Главный Совет не только нужно лишить тех полномочий какими он наделён теперь, но, что его полномочия нужно увеличить».

Конечно, большинство конгресса высказалось за увеличение полномочий Главного Совета и дало ему право исключать из Интернационала не только отдельных лиц и отдельные секции, но и целые федерации.

По вопросу о политической деятельности пролетариата большинство конгресса приняло предложение внести в основной устав Интернационала резолюцию Лондонской конференции в несколько измененном виде. Это постановление было отредактировано в следующем виде:

«В своей борьбе против коллективной власти господствующих классов, пролетариат может действовать, как класс, только при том условии, если он образует самостоятельную политическую партию, противопоставленную всем прежним партиям, основанным господствующими классами.

Это объединение пролетариата в политическую партию является необходимым условием для того, чтобы обеспечить торжество социальной революции и её конечной цели – уничтожение классов.

Коалиция рабочих сил, уже достигнутая благодаря экономической борьбе, должна также служить рычагом в руках рабочего класса в его борьбе против политического могущества его эксплуататоров.

Владельцы земли, и капиталов пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увеличения своих экономических монополий и для эксплуатации труда, поэтому *завоевание политической власти является великой обязанностью пролетариата*».

Таким образом, к резолюции Лондонской конференции была прибавлена фраза, что «завоевание политической власти является великой обязанностью пролетариата». Теперь догматы Маркса о необходимости политической борьбы и завоевания политической власти были введены в сам устав Интернационала, и поэтому всякая секция или федерация, не признающая этих догматов, не могла входить в Интернационал.

Конгресс избрал особую комиссию по делу об Альянсе и эта комиссия на основании материалов и документов, представленных Марксом, постановила исключить из членов Интернационала Бакунина, Джеймса Гильома, Швицгебеля, Бенуа Малона. Хотя председатель комиссии Куно заявил на конгрессе, что комиссия, в действительности, не получила ни одного материального доказательства виновности названных лиц, но, – добавил он, – Комиссия, по отношению к этим гражданам имеет *моральную уверенность* в их виновности и, поэтому, не имея возможности представить конгрессу определённых доказательств, Комиссия просит конгресс *довериться* её заключению.

Конгресс вполне, конечно, доверился заключению комиссии и большинством в 27 голосов против 7 при 9 воздержавшихся, исключил из членов Интернационала Бакунина. За исключение из Интернационала Гильома высказалось 25 голосов *за*, 9 голосов *против* и 9 воздержалось. Швицгебель и Малон не были исключены, хотя Марксу очень хотелось изгнать из Интернационала Малона, который хотя и не был другом Бакунина и не разделял многих его идей, но тем не менее не скрывал своей антипатии к Марксу.

Таким образом, Маркс одержал полную победу над своим противником. Но, эта победа оказалась Пирровой победой. Уже на самом конгрессе даже среди делегатов, стоявших на стороне Маркса, стало проявляться недовольство диктаторскими замашками Маркса. Видя это и чувствуя непрочность своей победы, Маркс вдруг решил пойти на героический шаг, чтобы сохранить руководство в Главном Совете. На одном из заседаний конгресса Энгельс совершенно неожиданно для большинства делегатов внёс предложение *перенести Главный Совет из Лондона в Нью-Йорк*.

«Интересы Интернационала требуют, заявил он, удаления Главного Совета из Лондона, по крайней мере на один год, и, сообразуясь, с обстоятельствами, признаётся наиболее удобным перенести Главный Совет в Нью-Йорк».

Делегаты были ошеломлены таким предложением. В зале заседания некоторое время царил молчание. Но, затем поднялись протесты; особенно энергично протестовали французы-бланкисты, которым Маркс, как мы сказали выше, обещал в благодарность за поддержку несколько мест в Главном Совете. При таком повороте дела бланкисты, конечно, не могли воспользоваться местами в Главном Совете.

Но, почему выбор Маркса пал на Нью-Йорк? По всей вероятности, Маркс, решая перенести Главный Совет в Нью-Йорк, рассуждал так: Нью-Йорк слишком далёк от Европы и Главный Совет, находясь там, будет избавлен от всех нежелательных элементов и всякого постороннего влияния, с другой стороны – сам Маркс, оставаясь

в Лондоне, как бы также отстранялся от деятельности в Главном Совете и выбивал этим самым оружие из рук своих противников, обвинявших его в честолюбии и в диктаторстве. Но, в то же время Маркс отлично знал, что в Нью-Йорке, где во главе секций стоял его преданный друг Зорге, Главный Совет будет всецело выполнять его желания. Таким образом, думал Маркс, для непосвящённых будет видно, что он, ради блага Интернационала, чтобы прекратить все поводы к нареканиям, добровольно ушёл из состава Главного Совета и даже сам внёс предложение перенести Совет в Нью-Йорк.

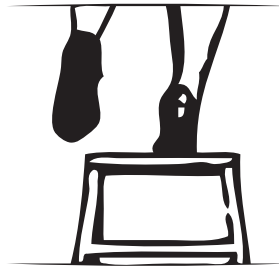
Большинство конгресса, конечно, высказалось за перенесение Совета в Нью-Йорк. Но и эта мера не помогла Марксу удержать в своих руках управление Интернационалом. Вскоре после Гаагского конгресса большинство швейцарских, бельгийских, испанских, итальянских и часть английских и французских секций, возмущённые действиями Маркса, отложились от Главного Совета и заключили между собой «договор солидарности», объединившись на началах федерализма и свободы. Во главе этого Интернационала стала Юрская федерация, против которой так боролся Карл Маркс. На стороне Главного Совета, то есть Маркса, остались только немецкие секции и часть английских и американских. Но эта часть Интернационала совершенно не проявляла никаких признаков жизни. После гаагского конгресса все активные элементы Интернационала перешли на сторону Юрской федерации, и марксистская ветвь Интернационала заглохла. Так печально закончилась роль Карла Маркса в первом Интернационале. Благодаря его интригам великая пролетарская организация распалась.

«... Поэтому, нижеподписавшиеся... приняли меры для основания Международного Товарищества Рабочих. Они заявляют, что эта Ассоциация, также как и все общества и лица в неё входящие, признают, как основу своего поведения по отношению ко всем людям: Правду, Справедливость и Нравственность, без различия расы, вероисповедания или национальности.

Они признают своей обязанностью добиваться не только для себя прав человека и гражданина, но и для всякого, кто выполняет свои обязанности. Нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей».

Маркс отрешивается от этих великих слов: они не его, в этом он сознаётся сам.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Джеймс Гильом
Карл Маркс и Интернационал
Перевод с французского с дополнительным очерком Н. К. Лебедева.
1920

Книгоиздательство «Голос Труда». Петербург–Москва. (книга взята из одной
московской библиотеки)
перевод в электронную версию очень старой книги, посвященной истории Первого
Интернационала.

ru.anarchistlibraries.net